ОГОНЁК

30 ДЕКАБРЯ 1945 ГОДА

№ 50

Москва сегодня. Реконструированное здание Московского Совета депутатов трудящихся.

Фото А. Устинова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

23-й год издания

ОГОНЁК

№ 50 (969)

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 30 ДЕКАБРЯ 1945 ГОДА

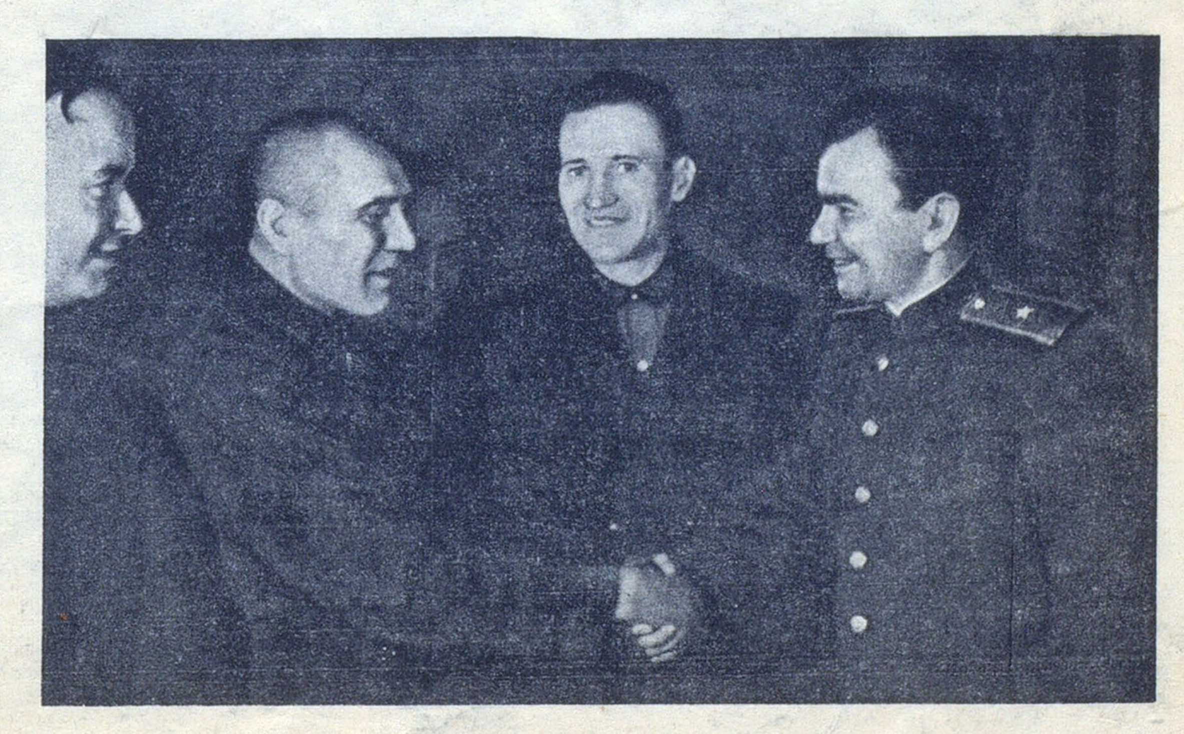
На обложке: студентка I курса филологического факультета Московского государственного университета Светлана Киреева, получившая золотую медаль в 78-й женской школе Киевского района.

Фото В. Кунова

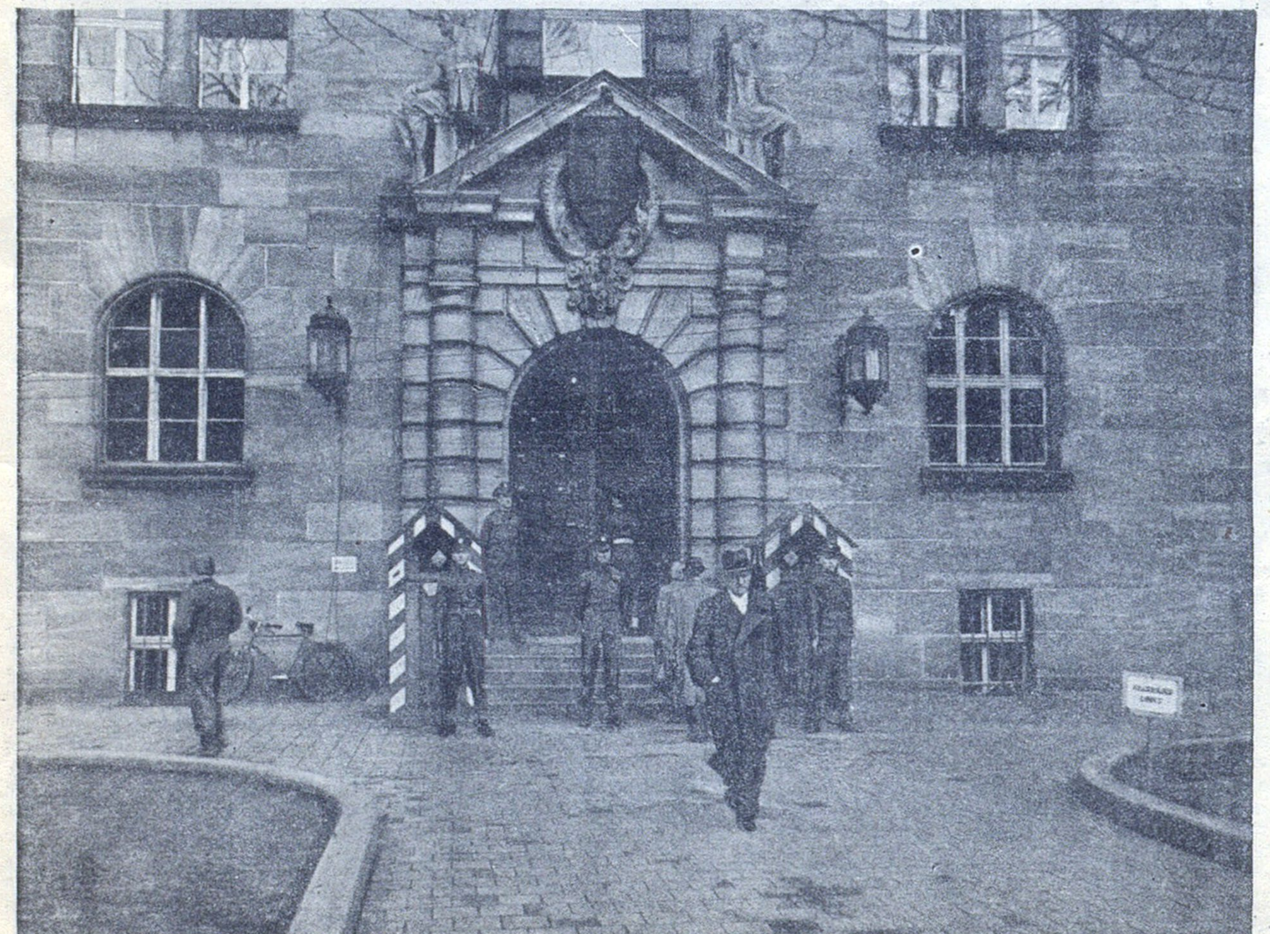
В ЧЕСТЬ ПРЕДСТОЯЩИХ ВЫБОРОВ. Елизар Куратов — кузнец Горьковского трижды орденоносного автозавода имени Молотова — инициатор соревнования в честь выборов в Верховный Совет СССР. Он поставил замечательный рекорд, выдав за смену 1102 детали вместо 400 по норме. На верхнем фото: Елизар Куратов; на нижнем: директор автозавода генерал-майор технической службы тов. Лоскутов поздравляет тов. Куратова с выдающимся рекордом, второй справа — знатный кузнец Андрей Загорный, соревнующийся с Куратовым и перекрывший его рекорд: он отковал за смену 1141 деталь.

Фото В. Храмцова

В НЮРНБЕРГЕ

Фото В. Кинеловского

Развалины Нюрнберга — как нельзя лучшее обрамление и наиболее подходящий фон для происходящего здесь процесса главарей германского фашизма. Пять столетий назад Альбрехт Дюрер, крупнейший живописец и гравер, создал в этом старинном торговом городе гравюры «Апокалипсис», «Меланхолия», «Рыцарь, смерть и дьявол». В наши дни Нюрнберг приобрёл зловещую славу своей особой торговлей: его товаром, как и товаром всей гитлеровской Германии, стали фашизм, людоедский расизм, проповедь империалистического разбоя и рабовладельчества. Печать возмездия сумрачными видениями Апокалипсиса тяжко легла на руины города, где происходили слёты нацистских разбойников и их дьявольские парады смерти. Развалины Нюрнберга — меланхолический символ поверженного и разгромленного немецкого милитаризма и фашизма.

Одно из немногих уцелевших в Нюрнберге сооружений — мрачное здание «Дворца юстиции». Ежедневно с 20 ноября перед входом здесь сменяется караул: рослые советские гвардейцы передают пост английским «томми», а наутро у караульных будок застывают американские часовые. Из главного входа тянутся длинные коридоры и лабиринт бесчисленных переходов; отсюда внутренние дворы ведут в тюрьму, последнюю резиденцию правивших Германией сановных бандитов, ныне представших на суд народов.

Международный Военный Трибунал заслушал уже много документов: «жёлтых», «зелёных» и других цветов, либо скрытых под кличками «Барбаросса», «Атилла» — планов нацистской агрессии, уличающих обвиняемых в заговоре против мира, жизни, свободы и независимости народов. На верхнем снимке запечатлён один из памятных эпизодов процесса: представитель обвинения от СССР тов. Руденко допрашивает гитлеровского разведчика генерала Лахузена, вызванного на суд в качестве свидетеля. На первом снимке, справа, виден и сам Лахузен: типичные волчьи черты фашистского палача, вынужденного теперь вскрывать в своих показаниях омерзительную механику нацистских провокаций как средства для развязывания агрессивной войны.

А на нижнем снимке, справа, фотоаппарат запечатлел последние минуты симуляции Гессом «беспамятства» и психической «ненормальности». Перед лицом подавляющих улик не выдержали нервы этого прожжённого гитлеровца. Рудольф Гесс, бывший заместитель и правая рука Гитлера, заснят в тот момент, когда он, почувствовав бесцельность дальнейшего притворства, попросил слова у Трибунала. Он был оставлен один на скамье подсудимых, остальных удалили из зала заседаний. — Я вменяем, больше симулировать не буду, — заявил Гесс, к великому конфузу своего защитника.

Процесс в Нюрнберге продолжается, он выявит до конца все преступления фашизма и воздаст полной мерой заслуженную кару всем гитлеровским военным преступникам.

Один из старейших бетонщиков Хамет Имамов.

Али Календаров. Работает на Днепрострое с начала восстановления.

На Днепрострое. Блок щитовой стенки в лесах.

НА ЩИТОВОЙ СТЕНКЕ

Репортаж с Днепростроя

Текст и фото Гр. САГАЛ

Бетонирование напорного блока щитовой стенки.

Один из старейших бетонировщиков Сергей Косогор.

Роман Хаджиев. Работает на Днепрострое с начала восстановления.

Вот парадокс, порождённый войной: Днепрогэс, столь щедро снабжавший электроэнергией индустрию Украины, в том числе и угольные шахты Донбасса, теперь сам временно питается электротоком из Донецкого бассейна. Это неплохой выход из положения. Весной сорок четвёртого года, вскоре после изгнания немцев из Запорожья, для первых днепростроевцев литр керосина казался несбыточной мечтой. Люди коротали вечера при самодельных коптилках, наполненных бензином, и не без опасения думали: «А вдруг взорвётся!» Немного погодя стройке дала ток трёхкиловаттная станция, обычно применяющаяся для зарядки аккумуляторов. Всегда корректный и уравновешенный Кандалов — главный инженер Днепростроя, всю свою жизнь строящий электростанции, — радовался первой загоревшейся лампочке, точно наяву увидел чудо.

С тех пор строительство заметно продвинулось вперёд. Почти полностью восстановлена взорванная знаменитая днепровская плотина. Установили трёхпролётный неразрезной мост через аванкамеру, тем самым соединив плотину с правым берегом. Теперь по плотине с одного берега на другой движутся потоками грузовые автомобили, курсируют железнодорожные составы.

После того как удалось завершить главные работы на плотине, строители обратили особое внимание на возведение щитовой стенки, отгораживающей аванкамеру от здания гидроэлектростанции. Щитовая стенка — важнейшее сооружение Днепрогэса. Здесь будет регулироваться подача воды, напор которой приведёт в движение гидроагрегаты.

Репортаж «Огонька»

Строителям поручено довести к весне высоту щитовой стенки до сорока восьми метров. Эту работу надо выполнить без задержки, в срок, потому что стенка должна оградить здание гидроэлектростанции от предстоящего весеннего паводка. Чтобы представить себе объём работ, достаточно сказать, что к 15 марта в щитовую стенку надо уложить 21 тысячу кубометров бетона.

* * *

Пройдёмте на аванкамерный мост: отсюда откроется панорама строительства. Величественно выстроились в ряд растущие ввысь, одетые в леса, блоки щитовой стенки. Пыхтят вкопанные в землю возле блоков паровые краны, тянутся к облакам силуэты крановых стрел. Через определённый промежуток времени паровоз, окутанный клубами дыма, доставляет с завода на площадку платформы, нагруженные бадьями с бетонной смесью.

— Вира! — кричит осипшим голосом мастер, и стрелка крана легко поднимает тяжеловесную бадью.

Кран делает крутой поворот, и бадья, точно воздушный гимнаст, взметнулась в сторону аванкамерного моста. Снова слышится знакомый голос:

— Майна!

Бадья плавно идёт вниз. На блоке её уже ждут бетонщики. Ловкий удар — и днище бадьи раскрывается. Очередную порцию бетона немедля утрамбовывают. Тем временем металлическая стрела доставляет следующую бадью.

* * *

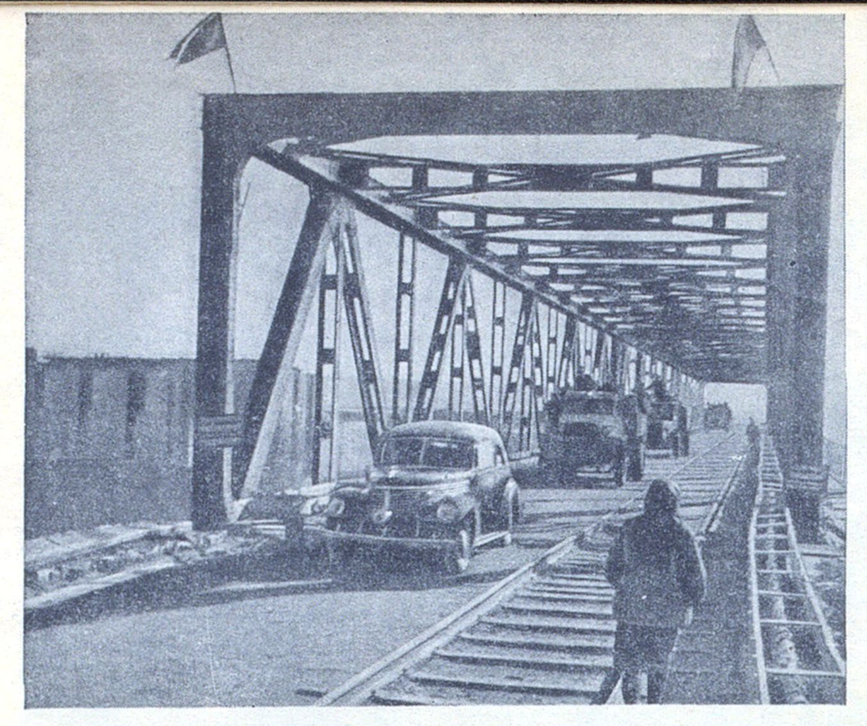
На щитовой стенке работают опалубщики, арматурщики и бетонщики, люди смелые, бывалые, привыкшие ловко и быстро взбираться на большую высоту и проводить в труде долгие часы в жару и мороз, когда с Днепра дуют колючие ветры.

Взгляните вниз, направо, и вы увидите большие веерообразные щиты, сбитые из свежих досок. Это стандартная опалубка — дело новое для наших плотников. Мастер опалубщиков, рационализатор-строитель Иосиф Гохман подал мысль изготовлять на специальной площадке опалубку для щитовой стенки, а затем уже в собранном виде устанавливать её с помощью крана.

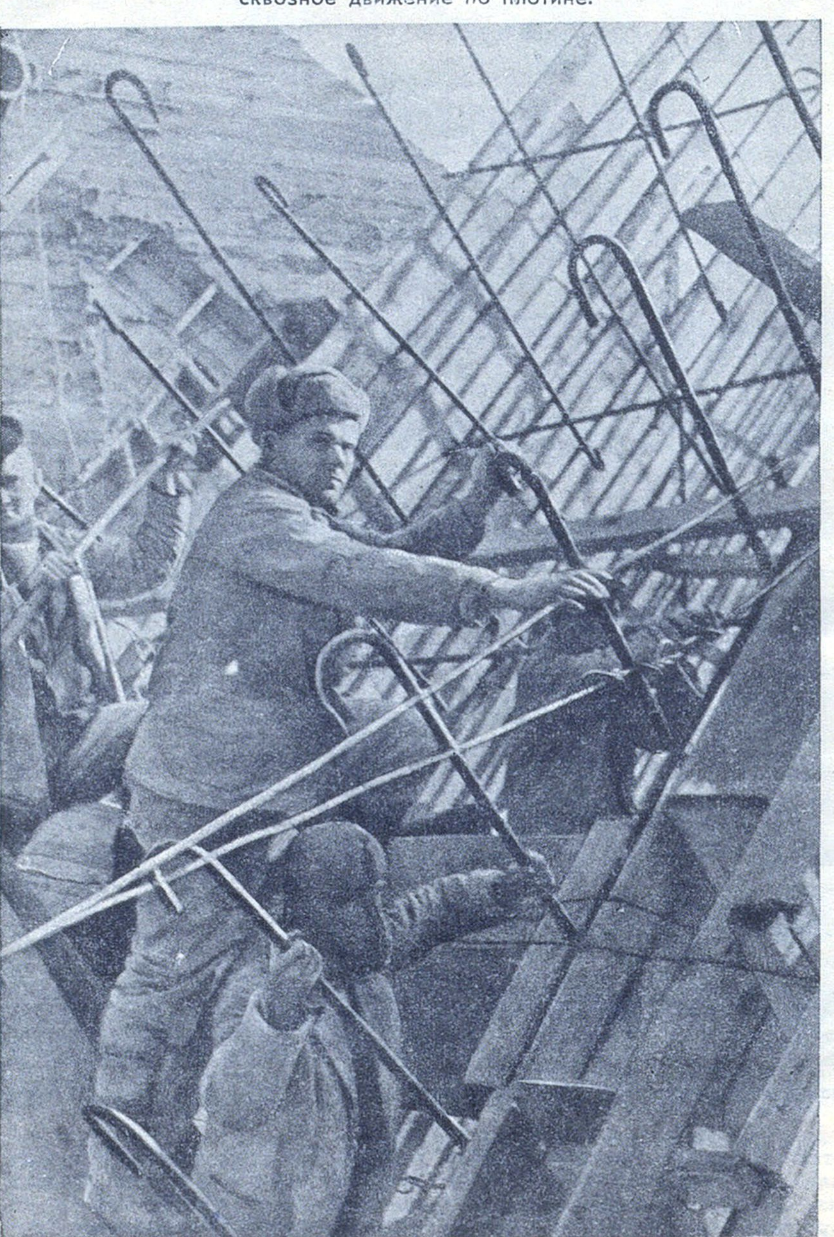
Так и сделали. Повысились производительность труда и качество опалубки.

* * *

Почти каждый строитель — участник войны — изобретателен, вынослив, не пасует перед затруднениями. Все знают бригады плотников Николая Козюберды, Андрея Зинчука. Плотникам бригады Зинчука поручили опалубку самых сложных на щитовой стенке тринадцатых блоков. Сборку лесов можно было произвести непосредственно на блоках, но это потребовало большой затраты времени. Чтобы не потерять ни одного часа, плотники собрали опалубочные щиты на площадке возле щитовой стенки. Два щита, размером в тридцать квадратных метров каждый, были собраны вдвое быстрее, чем обычно, и тут же водворены на место. Арматурщики и бетонщики в свою очередь быстро взялись за работу, чтобы не оконфузиться перед опалубщиками Зинчука.

С установкой моста через аванкамеру между берегами Днепра открылось сквозное движение по плотине.

Рабочие укладывают арматуру, затем начнётся бетонирование.

* * *

Было время, когда на стройку прекратили доставку цемента — остановились бетонные заводы, замерли камнедробилки и транспортёры. Люди же не бездействовали — они разбирали и вывозили глыбы взорванного бетона, повисшие чудовищными гроздьями на железных прутьях, расчищали к приёмке бетона железнодорожные пути. Безустали работала на строительном дворе правого берега прославленная бригада Таисы Черемискиной.

Дисциплинированные, уважающие свой труд девушки продолжали гнуть впрок на своём нехитром станке внушительные арматурные прутья. А когда на Днепрострой вновь регулярно потянулись «вертушки» с цементом, на щитовой стенке всё пошло попрежнему. По вечерам на вышках, как обычно, вспыхивают ярким светом мощные прожекторы: возобновилась круглосуточная работа.

Зашумели камнедробилки, зашуршали ленты огромных транспортёров, подающие на бетонные заводы щебёнку.

Бетонщики щитовой стенки гордятся такими товарищами по труду, как Сергей Косогор, таджик Хамет Имамов, грек Роман Хаджиев и азербайджанец Али Календаров. Эти люди частенько приходят на участок даже в свободное от работы время. На первых порах строители встречали молодых бетонщиков острыми словечками, шутками. Но те, мало смущаясь, отправлялись на блоки и помогали смене бетонировать.

Вскоре прекратились насмешки. Видимо, в Косогоре, Календарове, Имамове и Хаджиеве и живёт то чувство нового, присущее многим советским людям, в частности на Днепрострое, которое внушает всем уважение и бескорыстно вдохновляет на трудовые подвиги.

* * *

Читатель, понятно, хочет знать, когда Днепрогэс снова даст ток. Пока отстраивается щитовое отделение, на реке, возле здания электростанции, возвели ввиде петли песчаную перемычку, фундаментом которой служат гранитные глыбы. Перемычка даст возможность откачать воду, проникшую в подводную часть гидростанции, и приступить к восстановлению машинного зала, где будут расположены новые агрегаты взамен разрушенных немцами. Часть турбин изготовляется в Ленинграде, на заводе имени Сталина.

Предполагается, что первая турбина будет доставлена на Днепрострой в июле 1946 года.

* * *

Возрождение Днепровской гидростанции совпадает с разработкой грандиозного плана четвёртой сталинской пятилетки — пятилетки восстановления родной земли, которую Красная Армия, народ отстояли от немецкого нашествия.

Днепрогэс был одной из крупнейших всенародных строек первой сталинской пятилетки. Наступит день, когда гидростанция имени Владимира Ильича Ленина вновь вдохнёт жизнь в индустриальные предприятия Украины и светом своих огней озарит стройки новой пятилетки.

ЧЕТВЕРТАЯ ВСТРЕЧА

Л. Кудреватых

Это была наша четвёртая встреча. Я не удивился тому, что на этот раз Владимира Лаврененкова встретил в мастерской известного скульптора. Тут была своя закономерность, если хотите, неизбежность.

* * *

В жаркий июльский полдень сорок второго года подполковник Коновалов усадил меня на «уточку» и «повёз» к себе в полк, на аэродром, затерявшийся в лесах Орловщины. Когда мы приземлились на полянку, опалённую зноем и недавними боями, проходившими в этих местах, подполковник вызвал лётчиков Тильченко и Дуракова и, познакомив нас, сказал мне:

— Побеседуй. Лучшие в моём полку.

Мы уселись под густые ветви сосен, на опушке леса. Я слушал и записывал интересные рассказы о первых воздушных боях, проведённых лётчиками, о сладости одержанной ими победы. Время тогда было трудное и тяжёлое. С Орловщины немцы хотели запустить свои клещи на Мичуринск и Арзамас, охватить Москву с глубокого тыла. В воздухе шли беспрерывные воздушные бои. Молодые пилоты совершали в день по десяти вылетов.

Наша беседа неожиданно прервалась. Над лесом появились три самолёта: два немецких, один наш, советский. Наш самолёт возвращался с задания, но на пути его, видимо, перехватили два «мессера» и пытались сбить. Лётчики высыпали на опушку леса. Подполковник Коновалов спросил:

— Кто у нас сейчас в полёте?

Ему назвали фамилии. Под удар попала одна из машин полка. Но чья? В воздухе в эти минуты находились два полковых звена. Я смотрел на лётчиков и читал на их лицах тревогу за судьбу товарища. В воздухе происходили сложные и резкие маневры. Советский самолёт то ложился на крыло, то круто взмывал вверх, то стремительно падал вниз. Были секунды, когда хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть трагического конца схватки. И вдруг все закричали, заплясали, нас охватил неописуемый восторг. Вначале мы заметили вспышки огня у мотора советской машины: пилот стрелял из пулемёта. А через секунду один «мессер» вспыхнул ярко, сразу весь, и на месте «мессера» оказался клуб чёрного дыма: самолёт взорвался. На мгновение мы потеряли из виду советскую машину. Вдруг Тильченко закричал:

— Жми, дружок! Жми!

Теперь уже все видели, как советский самолёт гнался за второй немецкой машиной. Но у «мессера» была бóльшая скорость. И он ушёл.

Через несколько минут мы ринулись на лужайку, бросились навстречу идущему на посадку самолёту. Кого будут качать? Чьё имя с этой минуты войдёт в ряд лучших в полку?

Подполковник Коновалов находу сказал мне:

— Видал? Вот это орёл! Чкалов бы такого расцеловал!

Из машины вышел кряжистый парень среднего роста. Уставший и смущённый, он застенчиво улыбнулся и, видимо, не зная, что в таких случаях надо говорить, сказал:

— Вот чертовщина приключилась...

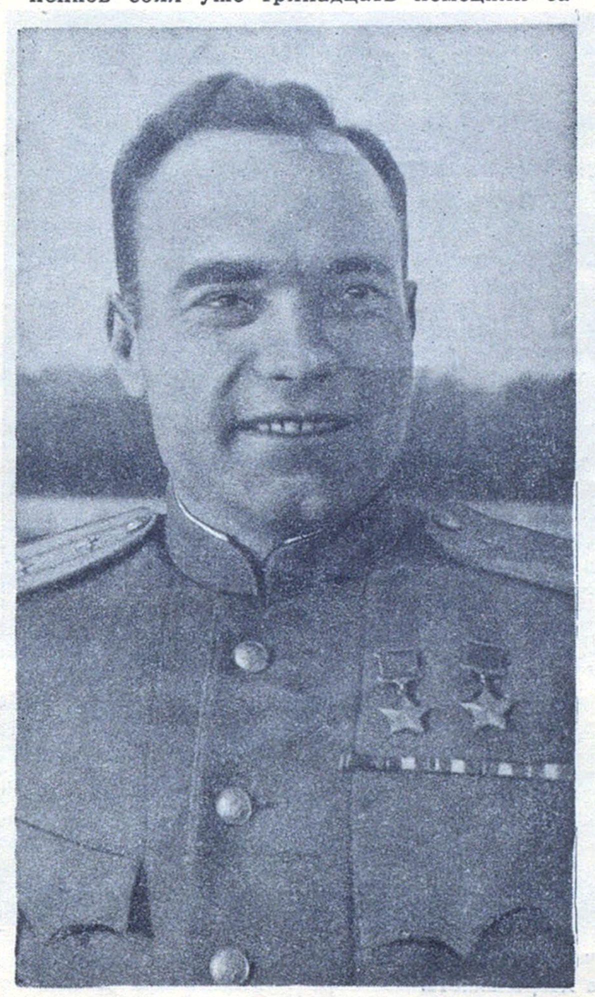
А Коновалов раскрыл уже объятия:

— Ну, Лаврененков, молодец! Поздравляю!

Так я познакомился с Владимиром Лаврененковым. Это была, кажется, вторая победа пилота.

* * *

В конце ноября того же, сорок второго года, в дни жестокой битвы под Сталинградом, я случайно попал в девятый гвардейский истребительный полк, которым командовал Герой Советского Союза майор Шестаков. В полк были сведены лучшие лётчики, ассы советской авиации, в том числе несколько Героев Советского Союза. В час отдыха лётчики «резались» в домино. На-пару играли небольшой, подвижной, резкий в движениях и разговорах Ахмет-Хан и спокойный, внешне немного флегматичный, кряжистый Владимир Лаврененков. К тому времени Лаврененков сбил уже тринадцать немецких самолётов и стал Героем Советского Союза. Майор Шестаков, стоявший рядом со мной, говорил:

Дважды Герой Советского Союза Владимир Лаврененков.

— По темпераменту они разные и по стилю боя отличны друг от друга, но каждый, уверяю вас, будет знаменит. В них есть что-то от Чкалова: порыв и уверенность, расчёт и ловкость, воля и находчивость. Лаврененков даже по комплекции на Чкалова похож.

Тогда я много и долго беседовал с Лаврененковым. Узнав, что я был хорошо знаком с Валерием Чкаловым, он расспрашивал меня о всех деталях жизни русского богатыря...

* * *

Время шло. Имя Лаврененкова часто появлялось в газетах, позднее о его подвигах на Кавказе печатались в газетах очерки. Затем сам он, уже как опытный пилот, выступил с серией статей. А потом стало известно, что Владимир Лаврененков совершил подвиг как воин и сын своего отечества. Один раз его сбили. Немцы повезли знаменитого советского лётчика в Берлин. По пути Лаврененков выскочил из поезда, подался в леса, разыскал партизан и дрался в партизанском отряде, пока снова не вернулся на линию фронта.

Меня тянуло повидать Лаврененкова. Под Кенигсбергом я даже ездил в полк, которым уже командовал майор Лаврененков, ставший дважды Героем Советского Союза. Но майора я не застал, он уехал в штаб армии.

— С нашим командиром хорошо,— говорили мне лётчики. — Он не только командует, но и учит. Он математик в авиации; у него всё ясно и чётко.

* * *

Через несколько месяцев,— точнее, пятого мая сорок пятого года — я совсем случайно в третий раз встретил Лаврененкова. Встретил его в Берлине, у рейхстага. Туда приезжали офицеры и солдаты, чтобы посмотреть поле заключительного боя, разрушенные здания, занятие которых предвещало конец Германии. Возле рейхстага, у пробитых снарядами колонн парадного входа, фронтовые фотографы снимали группы офицеров. Здесь, в Берлине, я и встретил Лаврененкова.

— Вот это встреча! — сказал он, здороваясь со мной.

Я невольно вспомнил и поля Орловщины и степной Житкур под Сталинградом. Теперь в Лаврененкове я видел собирательный образ победителя, образ нашего народа. Мы ходили с ним по разрушенным улицам Берлина, говорили о многом, а главное, о Москве...

— Где мы теперь снова повстречаемся?— спрашивал Лаврененков и сам отвечал: — Конечно, в Москве!

Так это и вышло.

* * *

...Давно, в тридцать восьмом году, Валерий Чкалов пригласил меня в тихий Гранатный переулок, в дом одиннадцать. По пути Чкалов говорил:

— Человек, к которому мы едем,— творец! Такие люди вдохновляют.

В мастерской скульптора мы встретили известного лётчика М. М. Громова. Исаак Абрамович Менделевич заканчивал работу над портретом Громова. Рядом стоял уже законченный бюст Чкалова, теперь широко известный далеко за пределами нашей страны.

С тех пор я часто бывал в мастерской скульптора. Когда вернулся после войны с фронта, мне захотелось навестить его мастерскую. Меня интересовало: что же за время войны создал скульптор? Творил ли он? Или, может быть, сказались уже годы, трудности жизни?

Скульптора я застал в мастерской за работой. В кресле против него, спиной ко мне, сидел офицер, а на высокой тумбочке стоял почти уже законченный бюст. Взглянув на бюст, я невольно крикнул:

— Это Лаврененков!

Офицер, сидевший в кресле, повернулся в мою сторону.

Да, это был Лаврененков! Мне опять вспомнились и поля Орловщины, и Сталинград, и Берлин. Поодаль, среди множества других скульптурных произведений, я увидел знакомые мне бюсты Чкалова и Громова. А теперь бюст Лаврененкова.

Мы рассказали Менделевичу о наших встречах.

А скульптор ничего не рассказывал. Он показывал. Он снимал мокрые полотна и показывал молча, внимательно всматриваясь в наши лица, как бы спрашивая оценку. Среди старых, уже известных работ скульптора, разместившихся на полках и в глубине мастерской, я опять увидел популярную работу — фигуру Ильича в каракулевой ушанке, в пальто с каракулевым воротником; фигуру Фрунзе; портреты народного артиста Союза И. М. Москвина; огромные статуи Пушкина, Лермонтова; знаменитую голову Бетховена; бюсты Свердлова, Горького, Орджоникидзе.

Тут же стояло несколько бюстов товарища Сталина, над образом которого мастер работает уже много лет.

Я увидел также много нового, созданного мастером за последние годы, за годы войны.

Скульптора привлекали различные области жизни нашей страны. Он жил образами людей, прославивших нашу родину на полях битвы, в труде, науке, искусстве. В дни эвакуации скульптор создаёт образ героя-севастопольца: сильное, волевое лицо, богатырское сложение, порыв. Он работает над портретами прославленного сына кабардинского народа Героя Советского Союза Абдулая Тхакумачева и сына Грузии — лётчика М. Гохакидзе.

* * *

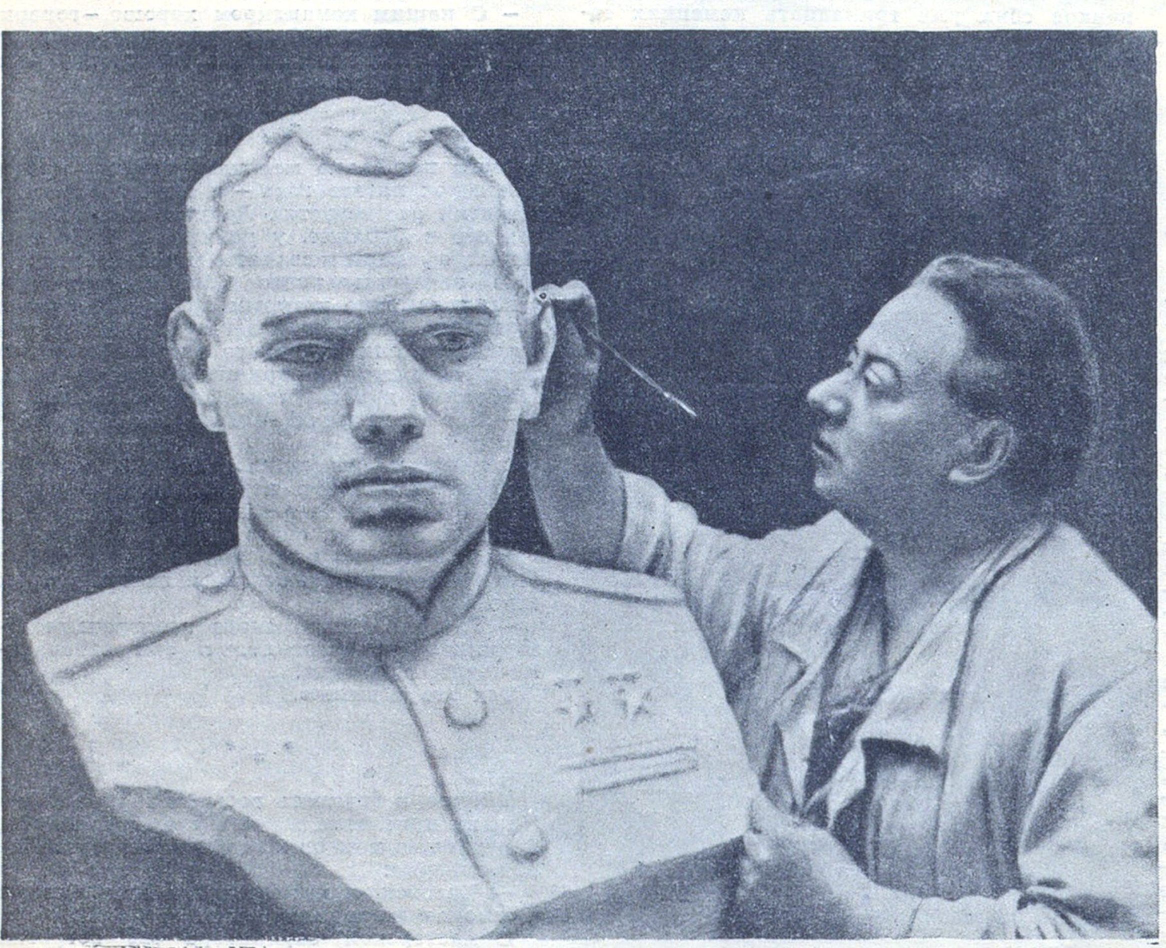
В Тбилиси его привлекает характерность лица народного артиста СССР А. А. Хорава и он с натуры лепит бюст артиста. Там же он запечатлевает образ одного из создателей Художественного театра — В. И. Немировича-Данченко — и прославленного актёра этого театра — народного артиста СССР М. М. Тарханова.

Месяцы вынужденной эвакуации для творческого человека стали месяцами плодотворной работы.

* * *

В Москве ждала мастерская с крышей, пробитой осколками, и нарушенным отоплением. Скульптор переносит станки в свою квартиру. В небольшой комнате, при искусственном освещении, он продолжает работать. И теперь мы видим, что занимало мастера, какие люди вдохновляли его. Стоят совершенно готовые бюсты Героя Советского Союза: пехотинца Н. М. Гаврилина и моряка С. Ф. Дьяченко. Портреты воинов наступления. Тут же портреты известного конструктора артиллерии Героя социалистического труда генерал-полковника В. Г. Грабина, полководца, Героя Советского Союза генерал-полковника Н. К. Чибисова. Рядом с ними мы видим завершённую работу над памятником одному из крупнейших советских учёных, Герою социалистического труда академику С. А. Чаплыгину.

Особое место занимают три работы. Скульптор продолжает поиски, создавая портрет товарища Сталина, произведение, в котором были бы ярко выражены любимые черты человека, приведшего нашу страну к исторической победе над врагом.

Лауреат Сталинской премии И. А. Менделевич заканчивает работу над скульптурным портретом Владимира Лавренёнкова.

Фото С. Шингарёва

По фотографиям, при консультации людей, лично видавших Рузвельта, Менделевич создал портрет государственного деятеля союзной с нами страны.

Наконец, как бы поэтическим заключением всего цикла трудов военного времени стоит уже отлитая из гипса небольшая фигура статуи «Победа»: русская женщина в ниспадающей до земли кольчуге.

* * *

...Лавренёнков и Менделевич. Скульптор и лётчик. Представители разных поколений, разных профессий, индивидуальных наклонностей и разных характеров. Но наши советские люди. В них много разного и ещё больше общего. В них неиссякаемая энергия, порыв в творчестве и труде, стремление своими делами славить родину.

И поэтому четвёртую встречу с Лавренёнковым в мастерской скульптора я считаю особенно знаменательной.

На ходу

Виктор Уран

Я стою на подножке трамвая.
Ветер ёрзает по волосам.
Отчего—почему, не знаю,
не могу догадаться сам,—
только весело!
Ух, как весело!
Ну, каким сказать языком?
Даже ветка поклон отвесила,
хоть я с ней совсем не знаком.
Разрешите раскрыть без доклада
многославный победный итог,—
каждый день процитировать надо,
он, как раны, свеж и глубок.
Ты в землянке будил соседа,
ты его тормошил в ночи:
— Есть на карте город Победа,
есть на карте город Ключи!
И, обрадованный и скорый,
паренёк приглушал свечу,
упираясь локтями в нары,
он не верил:
— Прочесть хочу!
Ну и здорово!
Так скорее...
И с порыва, с «ура», сплеча,
разворачивалась эпопея,
горяча, до сих пор горяча.
Были лица неотличимы
от рябой, от жаркой земли,
с боя в руки брали Ключи мы,
и упрямо к Победе шли.
Потому мне сегодня весело.
Потому у меня закон:
чтобы ветка поклон отвесила,
с каждой веткою будь знаком.
Я стою на подножке трамвая,
Ветер мечется по волосам.
Отчего—почему, не знаю,
не могу догадаться сам,
только помню:
в тужурке байковой
ты скулил, выходя на дождь:
— Проливной, полосатый, майковый,
ну, куда ты, куда идёшь?
— Погоди! По окопной грязи
мне в разведку пора, позволь...
Дождь тебя обрывал на фразе,
шумно спрашивал:
— Ваш пароль?
Ты ему отвечал: «Победа» —
и выскакивал из шалаша,
следопыт, буян, непоседа,
боевая жарынь-душа!
И поэтому, определённо,
ты медаль получишь в Кремле,
мол, носи её «За оборону
Счастьеграда» на всей земле!
Потому мне сегодня весело.
Пусть же смех куролесит, пусть...
Если ветка поклон отвесила,
значит, знала, что я вернусь, —
узнаёт она громкую стаю
моих смелых, пернатых фраз.
Я стою на подножке трамвая
и соскакиваю возле вас...

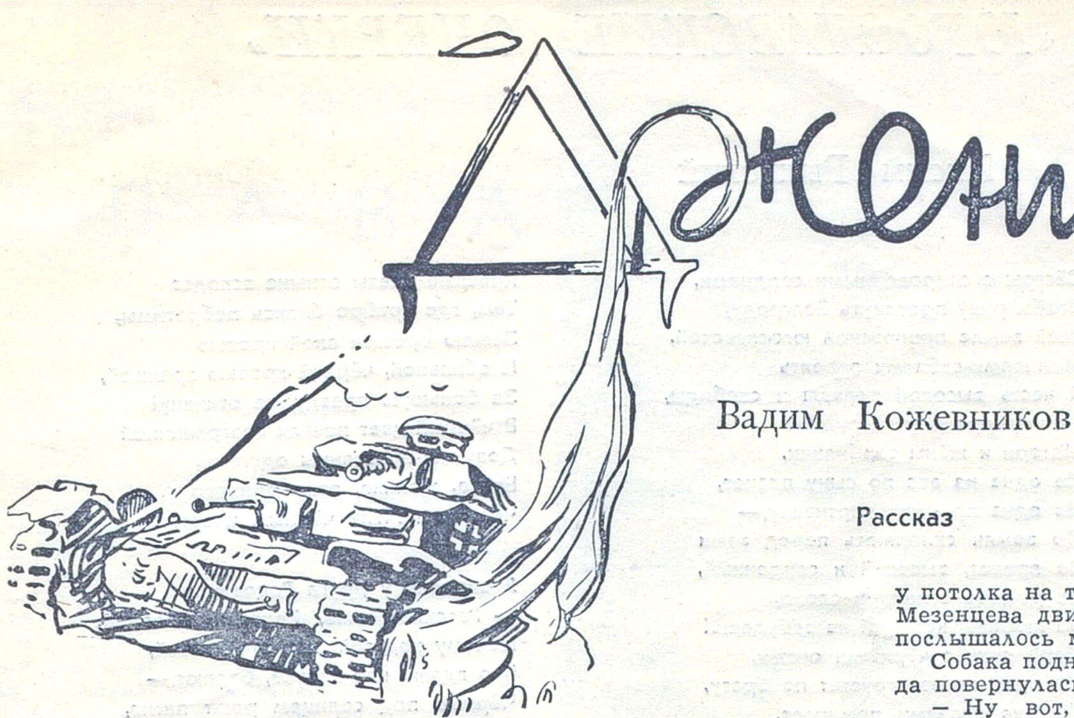
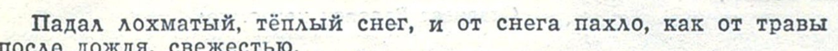

Рисунок Г. Храпака

Вадим Кожевников

Рассказ

Падал лохматый, тёплый снег, и от снега пахло, как от травы после дождя, свежестью.

Очень приятно стоять под этим падающим снегом! Стоишь, словно в черёмуховой роще, когда осыпается цвет. Даже голову кружит!

И ещё также было очень приятно смотреть на дорогу. По дороге, по грунтовой стороне её, строго предназначенной для гусеничного транспорта, катился серый немецкий танк с раскрытыми люками.

Последние дни ремонтники только и знали, что гоняли с поля боя эти пленные машины к своим летучкам.

И вдруг крик, пронзительный крик, и, когда обернулся, я увидел, что какой-то человек бежит по полю, увязая в снегу, а впереди него наперерез немецкому танку скачет большая трёхногая овчарка.

Старые, ржавые проволочные заграждения пересекали поле. Собака на какое-то мгновение присела, сжалась в комок и вдруг выпрямилась и, вся вытянутая, поднялась на воздух. Коснувшись земли, собака перевернулась через голову и покатилась в овраг. Потом она снова появилась возле откоса без лая, молчаливая, шатающимися прыжками она заходила к танку сбоку, движимая каким-то своим расчётом.

Механик-водитель не мог слышать крика, но в открытый люк он увидел махавшего ему руками человека и остановил машину. Остановил как раз в тот момент, когда овчарка, сделав последний прыжок, легла под правую гусеницу.

Потом я увидел, как собаку тащили от танка за верёвку, привязанную к ошейнику. Собака не хотела уходить, она рвалась на верёвке, мотала головой, прыгала в разные стороны, вставала на задние лапы, садилась, упираясь передней лапой в землю, и выла.

Только когда танк ушёл, собака понуро побрела вслед за людьми. Поджатый хвост, повиснувшие уши, взъерошенная шерсть и ковыляющая поступь делали её невыразимо несчастной.

Привыкнув на войне к тому, к чему, казалось бы, очень трудно привыкнуть, я был странно взволнован этим непонятным происшествием.

Вечером я зашёл к подполковнику Мезенцеву. Он сидел за столом у карты. Карандаш, часы, циркуль, портсигар, зажигалка, как всегда, лежали возле его правой руки. Слева стояли четыре ящика с телефонными аппаратами в чехлах из жёлтой кожи.

А в углу за печкой лежала уже знакомая мне овчарка.

Она лежала вытянувшись, положив свою длинную красивую голову на переднюю лапу. Глаза её были открыты. Собака вздрагивала. Короткая култышка на груди её всё время тряслась, словно от непереносимой боли.

Миска, наполненная кусками варёного мяса, стояла возле собаки, но она, повидимому, к ней не притрагивалась.

Мезенцев, словно продолжая начатый разговор, обратился ко мне раздражённо:

— Ведь говорил же всем: идёт машина — закрывай дверь! Теперь несколько дней жрать не будет. Всё швейцары нужны! — и взял телефонную трубку.

— Сколько? — спросил он, морщась.— Ну и не трогайте. Знаю. Правильно. Пускай пропустят. Мы их на самоходные примем.

Делая отметки на карте, Мезенцев объяснил:

— Выманивать у немца танки приходится. Берегут посуду, а у меня техника в засаде простаивает.

Я не знаю, когда Мезенцев спит, ест, одевается, бреется. Есть ли у него семья? Что ему нравится и что не нравится? Я приходил к нему в разное время и всегда заставал его у карты и телефонных аппаратов, и всегда он был одинаково невозмутим.

Видно, удивительная работоспособность начальника штаба добывается из того же материала, из которого черпают в себе силы идущие в бой. Но в своём деле каждый идёт своим собственным путём!

Крохотная электрическая лампочка, светоносная капля, висела у потолка на толстом прорезиненном проводе. Сухие, строгие руки Мезенцева двигались по карте. Где-то далеко, со стороны дороги, послышалось мерное ворчание мотора.

Собака подняла голову, уши её напряглись и встали, узкая морда повернулась в ту сторону, откуда шёл звук.

— Ну вот, — сказал Мезенцев, — опять! — и решительно заявил: — Конечно. Пошлю в тыл, больше терпения моего нет! — и, будто не совсем доверяя себе, ещё более категорически заявил: — Завтра же отправлю!

Может, машина свернула куда-нибудь в сторону или заглох мотор, только шума её больше не было слышно. Но собака ещё долго оставалась в напряжённой позе, потом медленно вздохнула и стала укладываться.

Мезенцев, не отрываясь, что-то писал, широко расставив локти и низко склонившись к бумаге. Потом он взял написанное, поднёс к свету, сделал несколько поправок, тщательно сложил бумагу, провёл ногтем и вдруг разорвал на мелкие клочки.

— Нет, — сказал он, — нельзя. Ничего не выйдет. Не могу, привык, — и, уже обращаясь ко мне, резко спросил: — Чай пить будете?

Если бы Мезенцев скомандовал: «Руки вверх!», — я бы меньше удивился, чем этому внезапному жесту его гостеприимства.

Чай был тёплый, невкусный. Но, видно, Мезенцев считал, что чай — единственный повод для неслужебного разговора.

Держа в ладонях кружку с безнадежно остывшей водой, Мезенцев говорил сухо, быстро, словно вынужденный к разговору, а не побуждаемый внутренним желанием:

— Тысяча девятьсот сорок первый год. Нам, пограничникам, пришлось первым принять предательский удар немцев. Они шли на нас танками. Мы отступали и дрались. С нами были наши собаки. Они были обучены кое-чему. С толом, привязанным к спинам, они бросались под немецкие танки и взрывали их. Мы тоже взрывали танки. Привязывали к мине верёвки и бежали наперерез танку. Всё искусство заключалось в том, чтобы остановиться, когда мина окажется против гусеницы танка. Затем от моего отряда осталась одна собака. Вот эта, Джени.

Услышав своё имя, овчарка подняла голову, навострила уши, застучала хвостом и заулыбалась, как это умеют делать собаки, морща дрожащие губы и обнажая клыки.

— Ну, ну, ладно! — сказал собаке Мезенцев и ещё поспешнее продолжал: — Немцы окружили нас. Но мы вырвались. Немецкий танк стоял в засаде на просеке. Джени бросилась к танку, на ней был надет последний толовый пакет, снабжённый высоким стержнем взрывателя. Но немецкие танкисты уже познакомились с нашими собаками. Танк стал пятиться и бил из пулемёта в Джени. Ей пробило лапу. В лесу я отрезал перебитую лапу собаки перочинным ножом и сделал повязку. С тех пор мы вместе.

И, видимо, обрадовавшись, что так всё быстро рассказал, Мезенцев поспешно встал, подошёл к Джени и, погружая свою руку в тёплую её шерсть, с грустью добавил:

— Умная, ласковая, только вот, знаете, танки... Привяжешь верёвку — перегрызёт. Закроешь в блиндаже, кто-нибудь войдёт — она собьёт с ног, выскочит. Недавно на наблюдательном пункте то же. Хорошо, бронебойщики выручили. Подбили танк, когда она под него укладывалась. Прямо беда!

Собака перевернулась на спину и лизнула руку Мезенцеву. Глаза её светились. Мезенцев вытер руку и подошёл к телефону.

— Хорошо, — сказал он довольным голосом, — очень хорошо! Пускай скапливаются.

Прищурившись, он смотрел на карту и наносил на ней толстые красные изогнутые стрелы.

В углу стукнула миска. Я подумал, что Джени ест, и обрадовался. Но собака не ела. Она сидела, упираясь передней своей лапой в миску, наполненную мясом; брюхо её было втянуто, круглые рёбра ясно обозначились на сильной груди, голова с торчащими ушами повёрнута к окну.

Казалось, собака не дышала, так неподвижна она была. Внезапно овчарка бросилась к двери, ударилась о неё лапой и грудью, упала, потом поднялась, жалобно оглядевшись и, сжавшись в комок, прыгнула на стол, а оттуда в окно. Посыпались осколки стекла, рама оказалась слабой и вывалилась наружу.

Холодный ветер со снегом рванулся в хату.

Мезенцев кинулся к дверям. Зазвонил телефон. Махнув рукой, он взял трубку.

ИЗ ЦИКЛА «ЮГОСЛАВСКИЕ ОЧЕРКИ»

Максим Рыльский

Сербиянки

«Пускай бросают немцы бомбы на нас — меньше останется для русских».

Это говорили сербиянки
В дни, когда спускался чёрный ворон
Над садами их, над городами,
Ворон, что издревле выпить очи
Сербии-красавицы стремился.

Это говорили сербиянки,
Милых снаряжая в путь-дорогу,
На тропу невиданной победы,
Весть ловя от сына или брата,
С тёмных гор, где золотое дело
Партизаны Сербии вершили.
Это говорили сербиянки,
Сербия-красавица твердила,
Югославии твердили земли —
Щедрой матери, подруги верной.
Почему ж то искреннее слово,
Солнечное слово благородства,
Рвалось из груди у сербиянки,
В Сербии-красавице звенело,
Югославией владело гордой?
Знало сердце, честное, простое,
Что спешат навстречу побратимы,
Кровные, отзывчивые сёстры
Из Москвы, седым Кремлём венчанной,
С Украины вольной, из Сибири,
От высокочелого Кавказа,
Из степей, где знойные миражи
Обещают караванам влагу,
Из дубрав зелёных белорусских,
С Волги синей, с голубого Дона,
Мощь неся и доблесть побратимам,
Неподкупную отвагу сёстрам.

Знало сердце, честное, простое,
Что и там летает чёрный ворон,
Раздирает крохотных младенцев,
Хочет выпить очи Украины,
Беларуси голубые очи,
Поживиться кровию Кавказа,
Что проклятые простёрлись крылья
Аж до самой до Москвы стобратной,—
Но живёт в Кремле великий Сталин,
Но в сердцах — незыблемая вера,
Нерушимая людская дружба.
И спешат навстречу побратимы,
Сёстры с откровенными сердцами,
Чтобы руку протянуть Белграду,
Всей земле прекрасной югославской,
Молниями-саблями зареять
В честь высокой правды и свободы,
За неумирающую дружбу!
Матери и жёны сербиянки,
Не одна из вас по сыну плачет,
Не одна по мужу-партизану,—
До земли склоняюсь перед вами
За привет, высокий и сердечный,
За родное огненное слово,
За любовь, которой не забудешь!
Сербиянки с чёрными очами,
Не одна из вас грустит по брату,
Жениха слезами поминает,
Плачет на родительской могиле,—

До земли склоняюсь перед вами
За большую правду вашу, веру,
За сердца, огня любого жарче,—
Низко, до земли сырой, склоняюсь!

Радован

Я спросил у друга Радована:
— Расскажи мне, Радован, поведай,
Почему в краю твоём богатом,
Где желтеет море кукурузы,
Виноград прозрачный вырастает,
Горы синие — дымкам подобны,
Реки звонкие подобны песням, —
Стройные красавицы-певуньи
Чёрными повязаны платками,
Что черней печали вековечной?

Отвечает Радован сурово:
— Здесь, где весело гуляет ветер
Юношей на скакуне игривом,
Взором девичьим играет солнце,—
Потому головки молодые
Девушки повязывают чёрным,
Что вон та не досчиталась брата,
К той из битвы не вернулся милый,
Мать у той замучена врагами,
А у этой — батюшка родимый!
Вся страна, мой друг Максим, сегодня
Кровью, кровью жаркою полита,
Красные цветы отныне всходят
Там, где храбро бились побратимы,
Землю орошая алой кровью
И обильной, чёрной кровью вражьей,
За большую правду, за отчизну!
В чёрный цвет печали безграничной
Девушки-красавицы оделись,
Брата, жениха, отца родного
Чествуя печали чёрным цветом!

Я спросил у друга Радована:
— Расскажи мне, Радован, поведай,
Почему над той, над этой хатой,
Что вдали, как паруса, белеют,—
Чёрные под солнцем реют пятна,
Будто крылья воронов зловещих?
Отвечает Радован негромко:

— Друг Максим, и в той, и в этой хате,
И в другой, которая, как парус,
Под горою синею белеет,—
Реют флаги чёрные под солнцем,
Подают безмолвный знак прохожим:
Нет, мол, в хатах тех ни мужа-друга,
Ни отца-советчика, ни брата,
Ни сынка, который был утехой.
Истребила злая сила вражья
Всех мужчин в тех семьях беспощадно,
Честный род до корня порубила.
Вот, когда придёшь на Украину,
Что сама познала столько муки
От проклятой жадной той гадюки,—
Расскажи, что чёрный цвет являет
На земле прекрасной Югославской
Скорби тень над славными сынами,
Юношами, сизыми орлами,
Что легли костьми за мать родную.

Не забудь ещё, мой друг, добавить:
Вырастут из юношеской крови
Красные цветы на каждой ниве.
Нет такого топора на свете,
Чтобы род наш вырубил до корня.
Будет так, пока нам светит солнце,
И пока в Дунай впадает Сава,
И пока звенит над полем песня,
И щебечет соловьём в дубравах,
Славя всюду воинов бесстрашных,
Что легли костьми за мать родную!

Белград — Загреб
1945 год.

С украинского перевёл
Марк ШЕХТЕР

Окно я заткнул свёрнутым полушубком. Порванную когтями Джени карту Мезенцев заклеил.

Скоро глухие и тяжкие толчки разрыва снарядов вывалили полушубок из ниши. Я вышел из хаты.

Казалось, что небо сделано из кровельного железа и гремело, колеблясь и выгибаясь. А облака в нём горели, словно они были пропитаны нефтью.

На рассвете я вернулся в блиндаж. Мезенцев сидел напротив меня, откинувшись на спинку стула. Лицо его было, как всегда, сухое, спокойное; бессонная ночь не наложила на него своего отпечатка. Ровным голосом он стал диктовать в штаб донесение о разгроме немецкой танковой бригады.

На следующий день я отправился к месту засады, чтобы посмотреть на разбитые немецкие танки.

Оттепель испортила дорогу. Оставив машину, мы пошли пешком. С ветвей деревьев, отягощённых снегом, капала вода. Если смотреть на ветки деревьев против солнца, можно было увидеть, что эти капли цветные — они красились в цвета радуги.

И вдруг кто-то крикнул:

— Джени!

Да, это была она.

Собака скакала на трёх ногах, забрызганная грязью, низко опустив голову.

— Джени! — закричал я. — Джени!

Собака остановилась, повернула в нашу сторону свою красивую голову. Потом осторожно вильнула хвостом, приподняла над клыками дрожащие чёрные нежные бахромчатые губы и, мотнув головой, снова продолжала свой путь неровными скачками.

СТАРАЯ И НОВАЯ СЛАВА

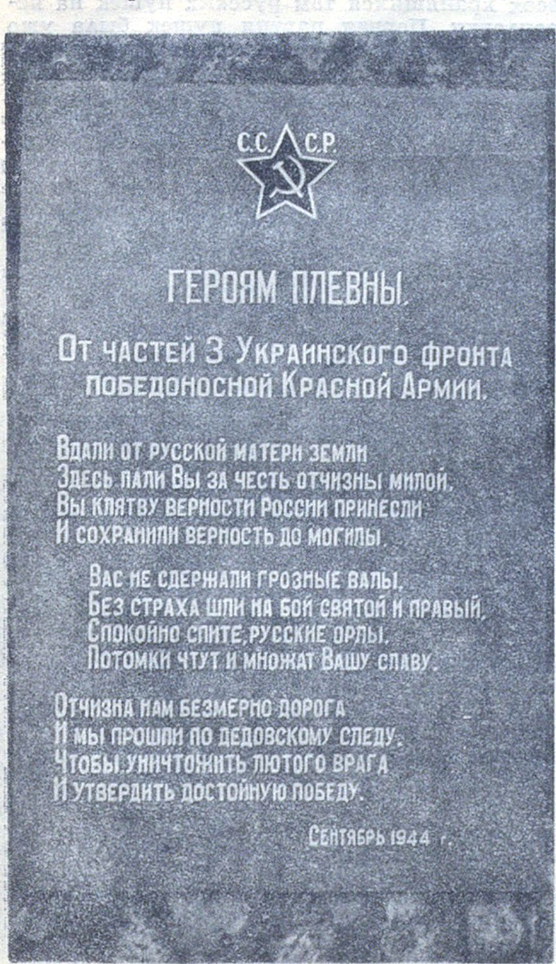
Б. Полевой

Фото Я. Рюмкина

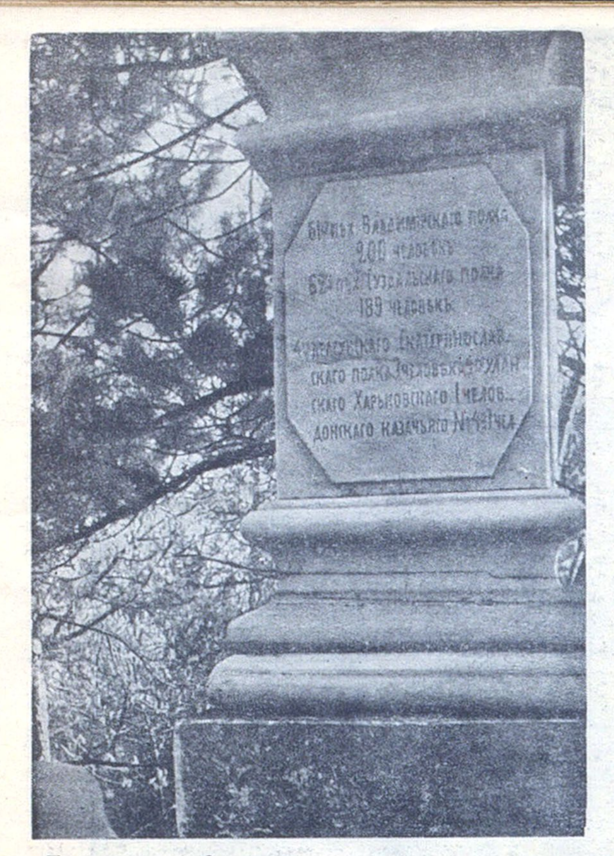
На пути в Плевен (Плевну) у нас оказались интересные попутчики. Они попали к нам в машину случайно, и произошло это так. Когда дорога, перевалив через хребет, вырвалась из зоны снегов и тихих лесов и стала петлями сбегать в долину, мы увидели внизу двух шагающих путников. На гудок шофера они оглянулись и, заметив за рулём военного в красноармейской форме, доверчиво замахали руками. Когда машина затормозила, они сняли свои мохнатые меховые колпаки и по-русски сказали:

— Здравствуйте.

Это были жители далёкой горной деревеньки: седой, пышноусый, но ещё крепкий старик и маленький смуглый подросток, доводившийся ему внуком. Шли они пешком через горы, туда же, куда ехали мы, в Плевен, и шли они за сотню с лишним вёрст лишь за тем, чтобы посмотреть плевенские памятники славе русского оружия и поставить свечи на старых и новых могилах русских воинов. Этому было просто трудно поверить, но потом плевенские старожилы сказали нам, что ничего в этом удивительного нет. Так уже повелось, что весь год, в особенности весной и ранним летом, когда Балканы одеты сверкающей зеленью и долины цветут и благоухают, со всех концов страны группами и в одиночку идут сюда болгарские люди, чтобы посмотреть исторический город и поклониться памяти героев.

Надпись на памятнике героям Плевны. Справа: вход в грот, в котором хранятся останки русских воинов, погибших в боях за свободу Болгарии.

Памятник на братской могиле русских воинов.

Наш случайный спутник старый родопский лесоруб и охотник Дамян Ненов совершил этот путь не однажды. Его отец Вилка Ненов был повстанцем, а затем ополченцем 1876 года. Под командой генерала Скобелева он участвовал в штурме Плевны, этой мощнейшей турецкой твердыни в Болгарии, а потом — в знаменитых боях на Шипкинском перевале и был награждён за храбрость русской георгиевской медалью. Старый болгарский солдат сам дважды водил своих сыновей в Плевен поклониться могилам русских героев, павших за свободу и независимость его народа. Теперь, когда убран виноград и молодое вино уже бродит в деревянных чанах, старый Дамян выполнил своё давнее обещание и ведёт своего внука на место, где 70 лет назад в рядах русских сражался и отличался его прадед, где всё дышит старой и новой славой русского оружия, где на холмах, обильно политых кровью русских, добывших свободу и самостоятельность своим южнославянским братьям, на вечные времена укрепилась болгаро-русская дружба.

Старый Дамян оказался прекрасным проводником. Со слов отца он знал тут историю боёв за каждый холм. Он показал нам теснинку у речки, отмеченную каменным крестом, где русские полки остановили и разгромили остатки плевенской группировки Осман-паши, пытавшейся выбраться из окружения, и камень, на котором турецкий полководец сдал свою саблю русским казакам, показал отмеченный старой пушкой холмик, где стояла героическая русская батарея, которая огнём своих пушек, преградила путь бегущей турецкой армии. Он рассказывал нам о подвигах русских солдат и офицеров, уже ставших легендой, он вместе с внуком пропел нам одну из бытующих в этих краях с тех времён русских солдатских песен с лихим припевом:

«А как шли мы на Балканы,
Нам сказали: высоки.
А как их перевалили,
Мы сказали: пустяки..»

За время войны нам довелось побывать во многих странах и видеть много памятников, воздвигнутых народом на могиле своих героев. Но такого, подлинно народного памятника, какой болгары воздвигли в Плевене русским воинам, памятника истинно народной любви к славе, к прошлому и настоящему нашей родины, нам ещё видывать не приходилось.

Мы прибыли в Плевен в конце ноября. Было уже холодно. По утрам хрустели под ногами курчавые кристаллы изморози. Северный ветер, тянувший вдоль долин, дышал в лицо первыми морозцами близкой зимы. Но в соборе-мавзолее могилы русских воинов были украшены венками и букетами из огромных жёлтых и белых хризантем и подсвечники были полны теплящихся свечей, хотя это был обычный день, а не праздник.

Но самое большое, незабываемое впечатление оставил так называемый Русский парк, разбитый на высотах южной окраины города, где раньше были основные редуты и бастионы турецкой плевенской крепости и где бои за Плевну, бои за свободу Болгарии достигли наивысшего напряжения. Высоты эти покрыты теперь зарослями сирени, жимолости, ветвистыми, развесистыми липами, большими кудрявыми каштанами. Под ними разбиты аллеи, красиво выложенные цветной горной галькой. Летом это великолепный тенистый парк. Но в нём никогда не веселятся, не слышно звонких голосов, не звенят смех и песни. Здесь всегда торжественная тишина, нарушаемая лишь гомоном птичьих голосов.

Едва поднявшись на гору, войдёте вы в ворота, украшенные болгарским и старым русским гербами, в знаменательные ворота, подвешенные на столбах из стволов старых турецких пушек, с решотками, сделанными из переплетения стволов и штыков турецких

Собор-мавзолей.

штуцеров, как сразу же вас встречает надпись, сделанная по-болгарски:

«ПРОХОЖИЯ! ВСТУПИВ ПОД СЕНЬ ЭТИХ ДЕРЕВЬЕВ, НЕ ГОВОРИ ГРОМКО, НЕ ПОЙ И НЕ ШУМИ, НЕ ТРЕВОЖЬ ПРАХ ПОКОЯЩИХСЯ ЗДЕСЬ РУССКИХ ВОИНОВ. МЕСТО ЭТО СВЯТО ДЛЯ БЛАГОДАРНОЙ БОЛГАРИИ!»

Поднимаясь вверх, по круто взбегающим на холмы аллеям, и справа и слева вы видите в тени деревьев, в чаще кустарников старые, то выложенные позеленевшим известняком, то облицованные уже сгнившим деревом и фашинником рвы и гребни древних редутов, сохранённых заботливой и благодарной рукой. Старые пушки стоят на них, турецкие, взорванные, разбитые, и русские в боевом положении — с маркой Путиловского, Обуховского, Златоустовского заводов. А возле зарядные ящики, горки снарядов в земляных погребках, ещё не расстрелянные старинные гранаты.

И всюду памятники — то мраморные, то гранитные, то бронзовые, то высеченные из местного пористого известняка. На них надписи, говорящие о славе прошлого:

«Братская могила 389 нижних чинов русской армии, геройски погибших в бою под Плевной за честь и свободу Болгарии 26 августа 1877 года».

«Здесь покоится прах командира бригады генерал-майора Владимира Андреевича Тебякина. Шёл во главе бригады в последнюю атаку и пал смертью храбрых. Да сохранит история его имя в веках!»

«Здесь покоится 175 нижних чинов 7-го пехотного Ревельского полка, геройски павших при штурме зелёных плевенских высот. Мир праху вашему, русские воины. Вечная слава оружию русскому».

И, наконец, на самой вершине холма, много раз во время штурма переходившего из рук в руки, высечен в туфе просторный грот. На вершине его тяжёлый, каменный крест и русские пушки смотрят во все четыре стороны света, как бы символизируя мощь и вечную славу русского оружия.

А над входом в грот, на камне, высечена старая, уже заросшая плетьми повилики и дикого винограда болгарская надпись:

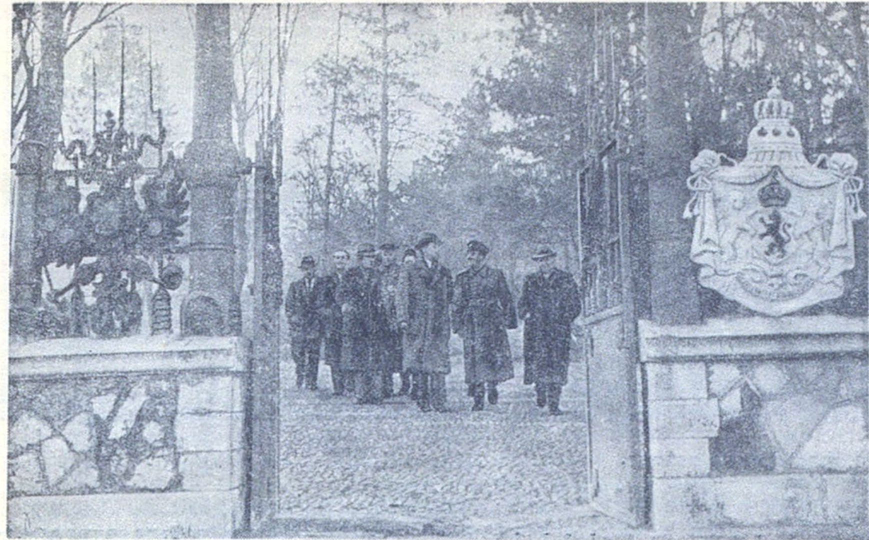
«Они, орлы северных небес, сыны великой русской земли, вдохновлённые чувством человеколюбия, гуманности и свободы, перелетели через горы и долы, через реки и моря сюда на Балканы. Здесь в порабощённой веками Болгарии они подняли на свои пики и шашки турецкую тиранию. Своими мечами они разрубили старые оковы, своими пушками разрушили пятивековую крепость рабства. В кровавой борьбе они пали на братской земле за свободу и счастье болгарского племени, забытого веками, царями, богами и сильнейшими народами мира. В знак глубокой признательности и глубокой благодарности освобождённый ими болгарский народ воздвиг им этот памятник своей свободы, выросшей из глубины народной души, как фиалка в лесу».

Снимаем шляпы и входим в грот. Здесь, окружённая старыми серебряными и бронзовыми венками и венками из свежих, только что сорванных цветов, стоит огромная стеклянная костница, в которой покоятся вымытые дождями, обдутые ветрами благородные кости русских воинов. Эти останки свидетельствуют о напряжённости и силе бушевавших здесь сражений. На многих черепах не одно, а два пулевых отверстия, следы от сабельных ударов, пробоины от осколков. Рядом под стеклом — реликвии, найденные в окопах и снятые при похоронах с убитых. Они бережно сохранены болгарами для потомков. Эти простые реликвии русских воинов — медальоны с женскими портретами, ладонки с прядями пушистых младенческих волос, недописанное солдатское письмо, адресованное жене в Рязанскую губернию, простреленный пулями котелок, штурмовой нож с зазубренным и сломанным в последнем бою лезвием, солдатская гармонь, рассечённая саблей.

Хранитель рассказал нам интересную страничку из истории реликвий парка. Во время последней войны немцы сделали несколько самых суровых представлений фашистскому болгарскому правительству, требуя уничтожения плевенского парка и сдачи всех хранящихся там русских пушек на переплавку. Первая партия пушек была уже приготовлена к отправке. Но по пути на вокзал болгарские партизаны уничтожили конвой, отбили пушки и вернули их обратно.

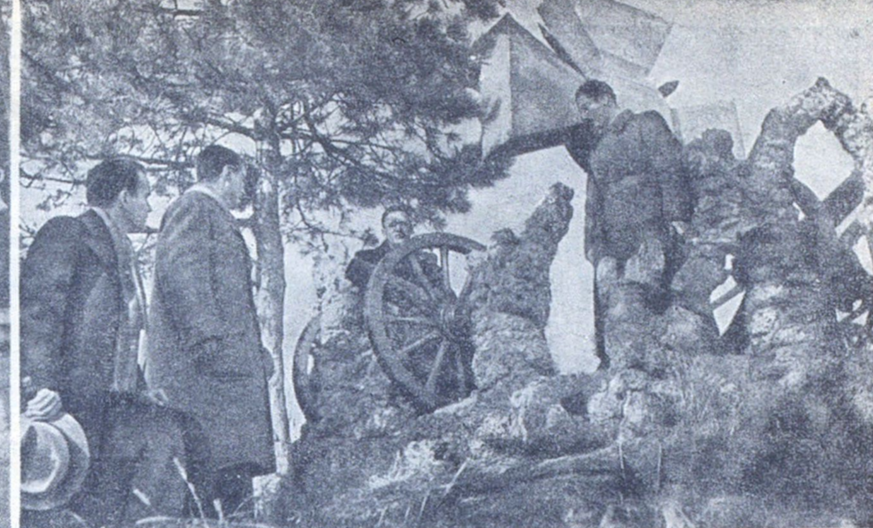

Памятник героям, павшим при атаке зелёных высот.

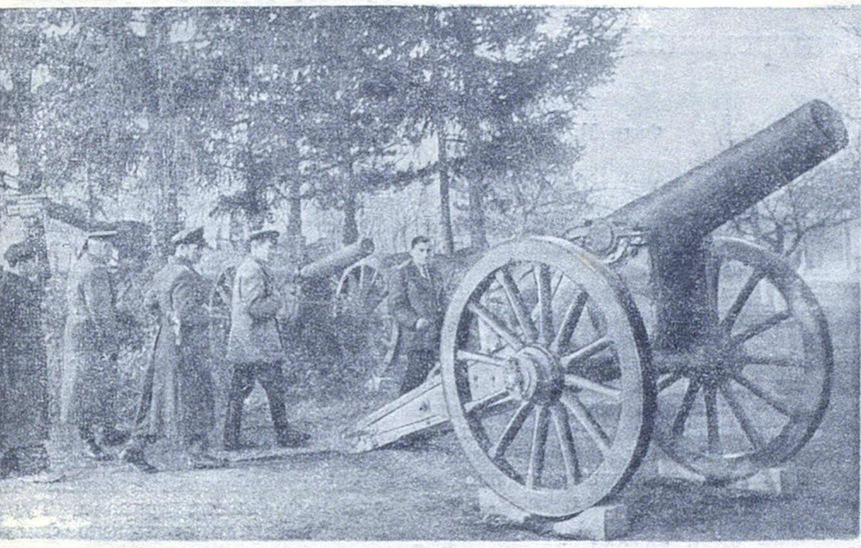

Вход в Русский парк в Плевене (Плевне).

Крест и пушки, установленные на вершине холма в Русском парке.

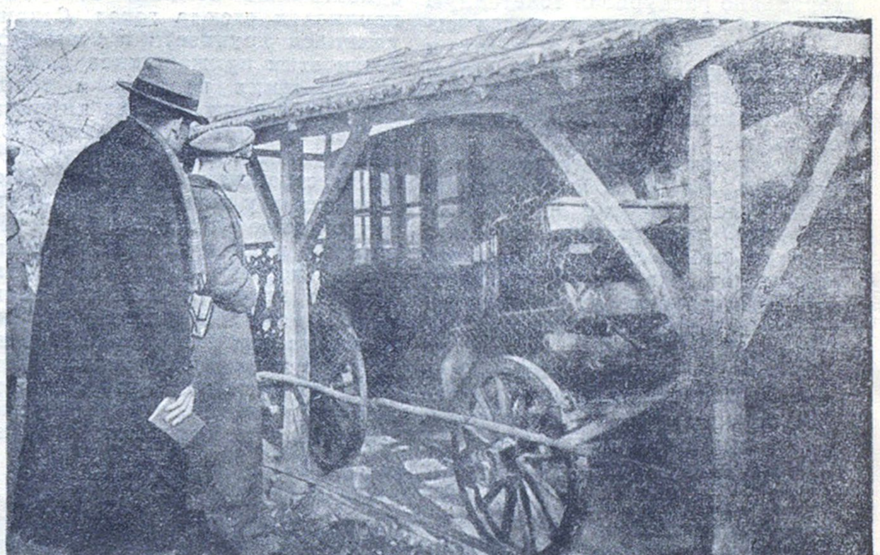
Русские орудия, участвовавшие в боях за Плевну.

Зарядные ящики русских батарей.

Дом, где был подписан мирный договор с Осман-пашой.

Карета, в которой находился штаб генерала Скобелева.

Тут же, рядом с реликвиями войны, принесшей освобождение Болгарии от турецкого ига, хранятся реликвии только что отшумевшей великой войны, в которой Красная Армия избавила Болгарию от местного фашизма и от немецкого рабства. Среди них красноармейские шлемы, автомат ППШ, полуавтоматическая винтовка, офицерский пистолет и другие предметы вооружения и обмундирования внуков павших здесь русских солдат, нового поколения русских орлов, снова спасших Болгарию из смертельных объятий иноземных, немецко-фашистских поработителей.

Рядом со старой, уже позеленевшей и обросшей повиликой надписью читаем высеченные на свежем мраморе стихи о новом подвиге славного русского оружия:

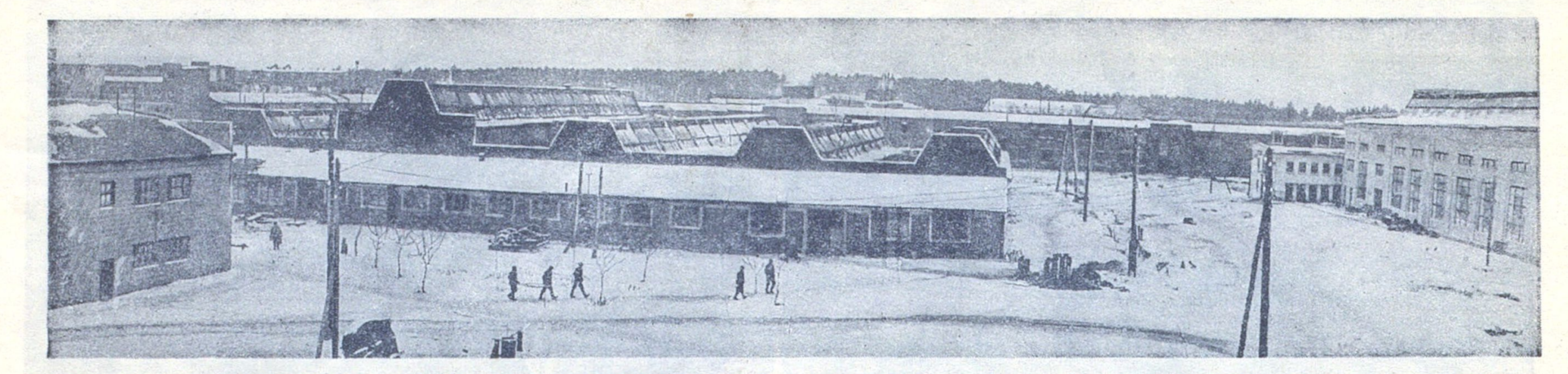
«Вдали от русской матери-земли
Здесь пали Вы за честь отчизны милой.
Вы клятву верности России принесли
И сохранили верность до могилы.

Вас не сдержали грозные валы,
Без страха шли на бой святой и правый.
Спокойно спите, русские орлы,
Потомки чтут и множат Вашу славу.

Отчизна нам безмерно дорога,
И Вы прошли по дедовскому следу,
Чтоб уничтожить лютого врага
И утвердить достойную победу».

Мы поднялись по выбитым в камне крутым и уже стёртым ногами бесконечных паломников и экскурсантов ступеням на верх туфового кургана к огромному каменному кресту, откуда открывался вид на белую россыпь домов Плевена, на холмистые долины Болгарии, на пологие контуры далёких гор. Здесь, на чужой земле, на могиле наших соотечественников, неоднократно спасавших своим оружием честь и свободу маленького трудолюбивого и храброго славянского племени, советского человека невольно охватывает чувство большой гордости за свой великий, могучий народ, за его благородную, мощную и великодушную армию, армию-победительницу, армию-освободительницу, самую сильную и самую гуманную из всех армий мира.

Город Плевен. Ноябрь 1945 года.

Общий вид Липецкого тракторного завода.

ЛИПЕЦКИЙ ТРАКТОРНЫЙ

Владимир Дмитревский

Фото М. Савина

Ровно в десять вечера по радио торопливо сказали: «Граждане, воздушная тревога!»

Начальник вокзала узловой станции Грязи, спокойный, уверенный в себе старик, отдал распоряжения подчинённым и вышел на привокзальную площадь.

В этот тихий майский вечер, остро пахнувший цветущей черёмухой и тёплой пылью, небо было высоким и прозрачным. Звёзды раскрывались одна за другой, как маленькие светлозелёные почки, и в их мерцающем свете небо синело и сияло. Такое небо не могло грозить бедой маленькому, уже засыпающему городу. На минуту Турецкому показалось, что хриплый, незнакомый голос диктора, предупреждавший об опасности, слышал он в каком-то плохом, наполовину забытом сне...

Сосед по улице, гнавший чёрную корову, заметив Турецкого, подошёл и попросил прикурить...

— Весенним воздухом подышать вышел? — спросил он, неторопливо раскуривая толстенную скрутку. — Турецкий видел седые усы в багровых отсветах и выпяченную нижнюю губу старого приятеля. — То-то я и говорю, ночка нынче особенная, что твой одеколон!

Турецкому и самому нравилась эта ночь. Он хотел было поддержать беседу и уже нащупал в кармане папиросную коробку, полную отборнейшего липецкого «самосада»... Но тут он вспомнил, что объявлена воздушная тревога и что через одну–две минуты, может быть...

— Беги в бомбоубежище! Слышишь? Старый дурень! — закричал он сердито, — немец летит, а он разгуливает, одеколоны нюхает... Воздушная тревога объявлена... Понял, что ли?

Сосед выругался, затоптал цыгарку и бросился догонять корову.

А Турецкий стоял и смотрел на такое спокойное, такое привычно прекрасное небо, и ему всё не верилось, что это сейчас, вот сейчас случится...

И это случилось. Сперва в небе повисли круглые шары, наполненные нестерпимо белым сиянием, и в этом неестественном обнажающем свете Турецкий увидел здание вокзала и маленькие одноэтажные домики, которыми начинался отсюда город. Старик удивился хрупкости и беззащитности этих прижавшихся друг к другу, таких простых и очень нужных сооружений из кирпича, брёвен и листового железа. Он вытянул перед собой руку, и в белом страшном сиянии она показалась ему очень большой и заметной даже с самолёта. Турецкий спрятал руку в карман, и папиросная коробка хрустнула и смялась от нервного захвата пальцев... Потом он увидел чёрные немецкие самолёты, падающие на город с воем взбесившегося ветра, и их гигантские тени, пляшущие на площади, увидел мелькание огней за вокзалом и сотни круглых тёмных мячиков, заброшенных чьей-то сильной рукой на самое небо...

Взрыва большой фугасной бомбы, упавшей перед зданием школы, Турецкий не слышал, так как всё внимание его приковал выросший оттуда чёрно-багровый гриб высотою в четыре или пять телеграфных столбов, душный и зловонный, и несколько грибов поменьше, поднявшихся над самым центром города, там, где по воскресеньям бывал базар...

Три ночи подряд, на 13, 14 и 15 мая 1943 года, прилетали немцы бомбить узловую станцию Грязи, три ночи подряд лился на город слепящий белый свет, с оглушающим грохотом раскрывались веера разрывов, а потом долгие часы лежало неспокойное дымное зарево.

А в двадцати пяти километрах отсюда три ночи подряд сотни строителей не сходили с лесов и перекрытий.

В мае 1943 года в Липецком районе, Воронежской области, чуть восточнее станции Грязи, на территории примерно в пять квадратных километров возникла новая строительная площадка.

Пение пил, звон топоров и стук лопат прозвучали буквально на всю Воронежскую область. В грозную симфонию войны вдруг ворвался наполовину забытый, но такой родной мотив простого, нужного труда. Его услышали в районах, только что освобождённых от немцев. На строительство сотнями потянулись люди из разгромленных, сожжённых колхозов Бутурлиновского, Богучаровского, Павловского и других районов. Брели одинокие старики, видевшие своими выцветшими глазами гибель внучат. Приходили женщины, в тридцать лет такие же седые, как эти старики. Приходили девушки и подростки с отвердевшими, суровыми лицами и сердцами бойцов... Все они видели врага в лицо, и у каждого из них был собственный, неоплаченный счёт.

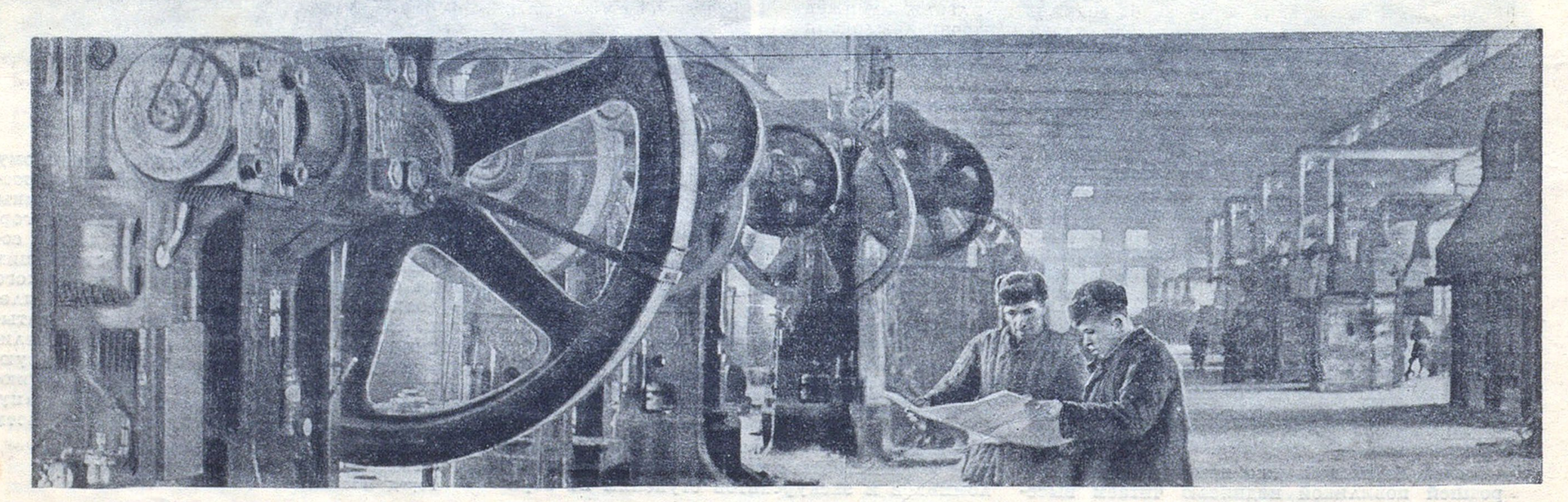
В один из декабрьских дней 1943 года с московского поезда на станцию Грязи сошёл невысокий, сухощавый военный. Всевидящее око начальника вокзала Турецкого заметило одинокую фигуру в шинели и фуражке, в раздумье остановившегося на заснеженном перроне.

Турецкий подошёл к приезжему — и знакомство состоялось.

— В наши края прибыли? — спросил Турецкий, поглядывая на потрёпанный чемодан военного. — По какой же специальности будете, смею спросить: по танковой или по зенитной? Ежели по зенитной, то маленько запоздали: уже отбили у стервятника охоту на наши Грязи налетать!

Приезжий весело блеснул узкими чёрными глазами.

— Какой из меня зенитчик! Я, знаете, по строительной части... — И назвал себя: — Дмитрий Андреевич Шаталов — начальник строительства.

Кузнечный цех завода готов к пуску. Начальник цеха И. Панченко (слева) и прораб строительства Н. Сергеев проверяют установленное оборудование.

— Очень приятно познакомиться, — сказал Турецкий и, хитро прищурившись, дипломатично заметил: — что за строительство, — не спрашиваю. Сам понимаю, вы человек военный и секретов не разглашаете.

— Какой же секрет! — удивился Шаталов. — Я назначен начальником строительства Липецкого тракторного завода... Знаете, того, что за Ново-Липецким.

Турецкий согласно кивнул головой:

— Как же, как же! Наслышан я. Только ведь пишется трактор, а читается...

— Тоже трактор! Не танк и не мортиры, а именно трактор, — убеждённо и совершенно искренно сказал Шаталов.

Да, многие, очень многие строители завода сначала не верили, что корпуса, которые они возводят, станут местом рождения обыкновенного трактора — мирной, знакомо ворчливой машины, такой необходимой для колхозного хозяйства. Ведь война ещё была далеко не кончена! Немцы ещё хозяйничали во многих районах Воронежской области, и их самолёты-разведчики нет-нет да и появлялись на большой высоте над сосновым лесом, скрывающим в своей синей чаще первоначальный хаос строительства...

Вершилось чудо. Одно из тех простых великих чудес, которые украсили нашу родину в годы труднейших испытаний, выпавших на её долю. В самый разгар войны советское правительство нашло возможным приступить к строительству большого тракторного завода, а местом для него избрало Липецкий район, Воронежской области, так сильно пострадавший от войны.

И чудо породило чудо! Женщины, девушки, старики и подростки воронежских колхозов оказались первоклассными строителями. Под руководством опытных мастеров и инструкторов стахановских методов труда они тут же, на строительной площадке, изучали неизвестные для них профессии бетонщиков, кровельщиков, плотников и штукатуров. Пришедшие из мест, которые всем обликом своим: чёрными, затоптанными полями, обугленными коробками школ и молочных ферм, могильным частоколом печных труб на месте целых деревень, вырубленными садами и обезглавленными подсолнухами — кричали о преступлении, содеянном против извечной плодотворности труда, — они теперь с небывалой жадностью брались за созидание. Им хотелось видеть как можно скорее плоды труда своего. Душа и руки, истосковавшиеся без привычного полезного труда, находили полное удовлетворение на этом строительстве, создаваемом для мирного завтрашнего дня сегодня ещё сражавшейся страны.

С первых дней строительства активнейшим его участником стала худенькая девушка из одного колхоза Водопьяновского района, пришедшая на площадку босиком, в рваной красной юбчонке... Очень быстро изучив профессию станочника-деревообделочника, Тамара Дремина — так зовут эту шуструю и быстроглазую девушку, всё ещё похожую на подростка, — собрала двадцать девушек-колхозниц и научила их тому, что узнала сама. Так создалась знаменитая на стройке дреминская бригада станочников-деревообделочников, постоянный обладатель переходящего Красного знамени...

И не об особых методах Дреминой, приносящих ей постоянный и заслуженный производственный успех, хочется рассказать сегодня, а о стремлении этой девушки предельно расширить круг своего участия в строительстве.

Став бригадиром, Тамара вступила в комсомол, и скоро все двадцать девушек, членов её бригады, стали комсомолками. Год спустя Дремина была принята в партию, и сейчас все члены её бригады — коммунистки, естественный костяк и гордость строительства.

Почти тем же путём, что и Дремина, прошла и Лида Фетисова — бригадир лучшей бригады бетонщиков. Девочка из разрушенного колхоза, она пришла на строительство и участвовала в нём с начала и до конца...

Да, именно до конца, потому что сегодня, спустя два с половиной года, в сердце строительной площадки поднялись ворота — арка с надписью: «Липецкий тракторный завод».

Завод уже отпочковался от строительства, уже перешёл в ведение другого наркомата и вобрал в себя людей больше, нежели их на строительстве...

Вот они: видимые, слышимые, изучаемые результаты яростных усилий тысяч воронежских колхозников, строивших для мира в годы войны! Наша машина стремительно несётся по накатанной, золотой в свете фар дороге. Она прорывается сквозь узкую кромку леса, пересекает линии узкоколейной железной дороги, связывающей строительство со станцией Липецк и дальними лесоразработками, и мчится к центру гигантского круга, со всех сторон обрамлённого тем же сосновым лесом. Ослепив нас яркими огнями фар, мимо проходят тяжёлые «Студебеккеры», полные людьми. Ветер бросает нам в след слова какой-то песни... Это отвозят в Липецк рабочих строительства.

Справа и слева возникают тёмные контуры огромных зданий, причудливых, странных очертаний... «Завод!» — горделиво сообщает шофер. А навстречу уже брызжет желтоватый свет сотен окон жилых домов, конторы управления и подсобных учреждений строительства. Пунктирные линии окон возникают то где-то у самой земли, то высоко над машиной, — можно заключить, что здесь и одноэтажные, временные бараки и большие, многоэтажные дома...

Ночью огни, контуры и тени строительной площадки создают несколько фантастическое впечатление... Зато утром, когда холодное декабрьское солнце с трудом разрывает пепельную мглу позднего рассвета, всё представляется в совершенно ином виде.

Прежде всего новый завод поражает своей компактностью. Его цеха расположены в непосредственной близости друг от друга и представляют как бы замкнутый круг всего производственного процесса.

Тут и гигантское здание чугуно-сталелитейного цеха, занявшего 21 тысячу квадратных метров площади, и чуть уступающий ему размерами, но более лёгкий и нарядный механо-сборочный цех, и светлый, с большим количеством окон инструментальный и ещё строящийся моторный цех-гигант в 18 тысяч квадратных метров, и другие цехи Липецкого тракторного...

Как Кремль над Москвой, завод высится над строительным городом, возникшим здесь ещё задолго до рождения завода.

С нами идёт «хозяин» строительства — Дмитрий Андреевич Шаталов.

— Вчера это было строительство, а сегодня — завод, — говорит он. — И сегодня я здесь уже не хозяин... И всё же ни с чем не сравнится чувство строителя, его гордость, его удовлетворение — в этом есть частица и моего труда. Экая махина! Вы только посмотрите: ведь это же не цех, а целый завод: шесть вагранок общей ёмкостью в тридцать шесть тонн, бессемер, две электросталеплавильные печи, три конвейера, восемнадцать формовочных машин...

И, проводя нас по всем цехам завода, Шаталов не перестаёт восхищаться великолепным оборудованием, чёрными лоснящимися телами машин, сверкающей сталью резцов, из-под которых бесконечными ёлочными цепями струится кручёная сине-жёлто-фиолетовая от нагрева стружка... И можно легко понять и чувство строителя вообще и строителя Дмитрия Андреевича Шаталова, Тамары Дреминой и всех этих людей, с которыми нам довелось познакомиться на Липецком тракторном — одном из многих звеньев четвёртой пятилетки.

Жилые дома, выстроенные для рабочих завода.

Здание полной средней школы в заводском посёлке.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Яков Белинский

СЛОБОДАН

В югославское село — Паланка,
Что стоит на дороге в Белград,
Ворвались на заре наши танки
И гвардейский десантный отряд.

Не видать в том селеньи
мужчины —
Мы в лесах партизанской земли,
К запылённым советским машинам
Югославские женщины шли.

Кофты — красны, на шеях монисто,
С украинками схожи лицом,
Подбежали девочки к танкистам,
Окружили цветастым кольцом.

Хвáла! Хвáла! Спасители наши!..
И, захлёстывая края,
Щедро хлынула ружица в чаши.
Как немеркнущей крови струя.

Сквозь веселье и гомон великий,
Через тесную площадь села
С озарённым, сияющим ликом
Югославка к танкистам прошла.

Ой, красива ж высокая сербка
Диковатою резкой красой!
Чёрны брови, очи со сверком,
Юбка, шитая алой тесьмой.

У открытой снарядом воронки
Встала гордо и, выпрямив стан,
Протянула танкисту ребёнка:
«Это мой первенец, Слободан!

Подержи-ка его на ладонях,
Покачай первенца на руках, —
Он в огне не сгорит, не утонет,
Не погибнет, коль будет в боях.

Пусть узнает он твёрдые руки,
Что его защитили годá,
Нашей верной свободы поруку
Пусть запомнит навéк, навсегда.

Не изведал отцовской он ласки,
Не видал и не слышал отца.
Спит отец его в ямине братской,
От усташского сгинул свинца...»

И танкист, улыбаясь ширóко,
Посадил на ладонь и, крутя,
Над кипучей толпою высоко
Партизанское поднял дитя...

Струны «банды» певучи и звонки.
И на кóло, венки и цветы,
Удивленно раскрывши глазёнки,
Ясно смотрит дитя с высоты.

ФЛАМАНДСКИЙ ХОЛСТ

Три долгих года, как вино,
Под толщею земли
От бомб и смерти полотно
Мы это берегли...

Ломает снедь дубовый стол,
Дымится пистолетный ствол,
И поперёк холста,
Клыки вонзая раме в бок,
Кабан в жабо кровавом лёг.
(Так киноварь густа!)
Напополам разрезан сыр,
Округл, как магелланов мир,
И каплет медный мёд
Из ноздреватых сот,
Форели вечно суждено
Зевать здесь тяжело...

Сквозь сотни лет до нас дошло
Фламандца полотно.

Оно мычит, трубит, ревёт,
Дымится и горит,
И в удивлении народ
Весь день вокруг стоит.

Плоды, плоды ломают стол,
И люди слышат весть,
Земли бессмертной торжество, —
Которой жить и цвесть!

В отделе игрушек Центрального универмага Мосторга в предпраздничные дни.

Фото О. Кнорринга

БЛАГОРОДСТВО Н. И. ПИРОГОВА

В архивах города Горького обнаружено письмо Николая Ивановича Пирогова, относящееся к марту 1855 года, когда знаменитый русский хирург находился в осаждённом Севастополе.

История этого письма такова. Житель Нижнего Новгорода М. Топильский обратился к Н. И. Пирогову — по поручению одного благотворителя, не пожелавшего назвать своё имя,— с предложением принять 200 полуимпериалов (1500 рублей в старом золотом исчислении) для раздачи раненым офицерам.

Николай Иванович, как видно из его ответа, счёл более целесообразным использовать пожертвованные деньги для улучшения лечебной помощи как офицеров, так и нижних чинов. Аргументы, которые привёл Пирогов, свидетельствуют о высокой гуманности и демократизме замечательного русского врача. Приводим полный текст письма:

«Сим честь имею уведомить Ваше Превосходительство, что присланные неизвестным благотворителем двести полуимпериалов золотом я получил. Но условия для раздачи их, определённые в Вашем письме, исполнить трудно. Весьма немного находится здесь таких офицеров, которые назначаются в отпуск; которые же и назначаются имеют обыкновенно свой капитал и поместье, и вообще достаточные люди; бедному офицеру и в голову не придёт проситься в отпуск на казённом иждивении, такие остаются обыкновенно в госпиталях — покуда или выздоровеют или умрут. Несмотря однакоже на это, я дал знать о получении мною суммы от неизвестного благотворителя, для означенной цели, г.г. начальникам штаба, и до сих пор, хотя уже прошло около месяца, никто не оказался подходящим под условия, определённые благотворителем.

Я в конце апреля, или в начале мая намереваюсь возвратиться в Петербург. Спрашивается, что должен я буду предпринять с означенной суммою, когда она останется без употребления. Должен ли я буду поручить для раздачи офицерам, на определённых условиях, г.г. начальникам штаба, или возвратить Вам, или же не переменит ли неизвестный благотворитель своих условий и не позволит ли поступить с этою суммою так, как это делали другие особы, снабдившие меня деньгами для покупки раненым офицерам и низшим чинам различных вещей, в которых больные чувствуют недостаток и между тем не входят в обыкновенный госпиталь на содержание, к. т. вино, чай, белый хлеб, сбитень и т. п.

Покорнейше прошу Вас предложить всё это на благоусмотрение благотворителя и о последующем решении не замедлить уведомить меня через курьера и фельдъегеря (по обыкновенной почте ответ придёт не прежде четырёх недель).

Н. ПИРОГОВ».

Севастополь.
1855. 6 марта

В архиве сохранился ответ М. Топильского, из которого видно, что «неизвестный благотворитель» настаивал на раздаче пожертвованных им денег только нуждающимся офицерам.

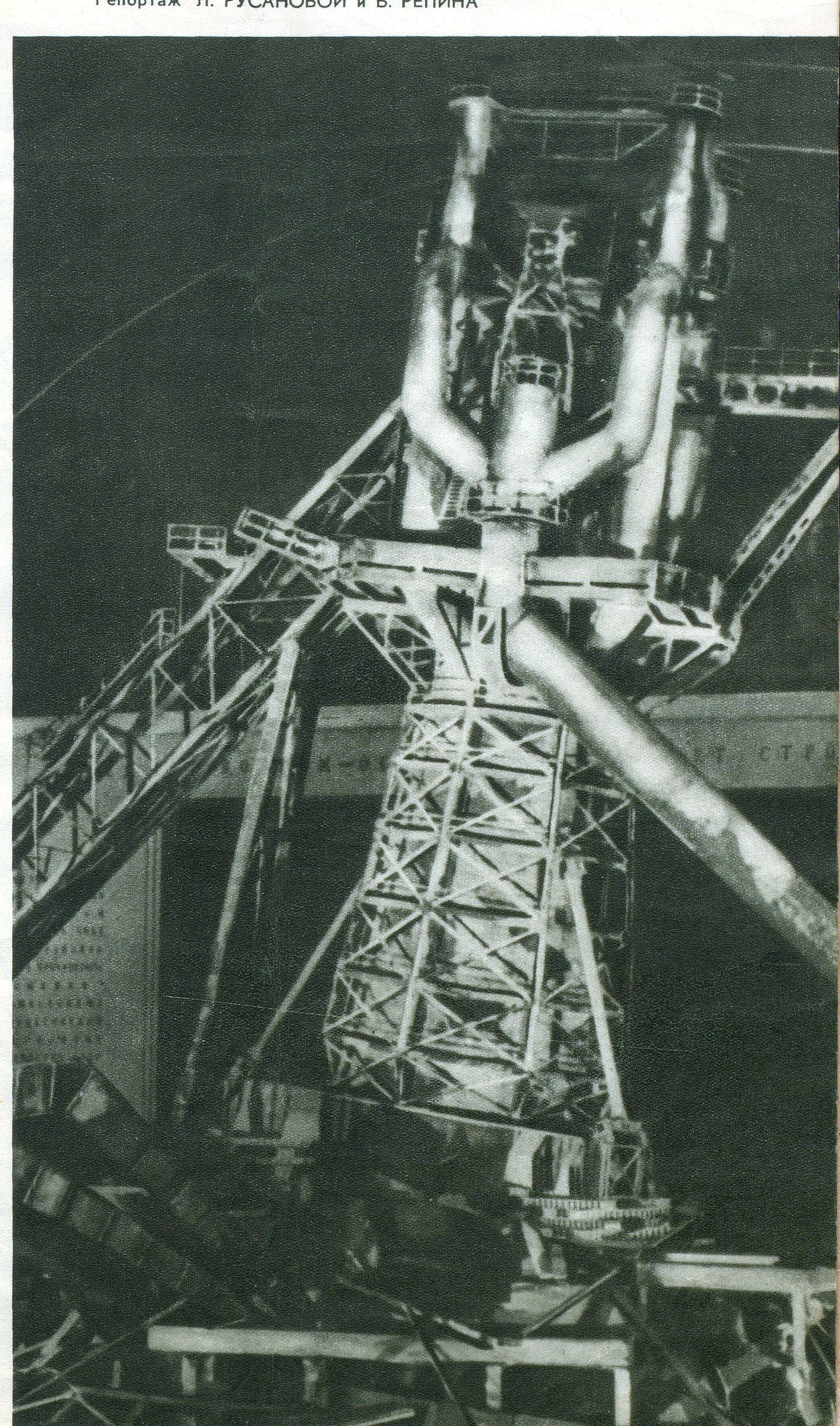
СДЕЛАНО В ДНИ ВОЙНЫ

Репортаж Л. РУСАНОВОЙ и Б. РЕПИНА

В Москве открылась Всесоюзная строительная выставка. Территория её обширна: она занимает пять тысяч квадратных метров. В пяти павильонах и четырнадцати больших залах размещено больше двух тысяч экспонатов. Шестьсот советских строительных организаций представили творческий отчёт: что создано ими заново, восстановлено и перестроено в дни войны. Зрелище получилось грандиозное. Это не просто выставка строителей. О созидательном труде всего советского народа в дни войны рассказывает здесь каждый экспонат.

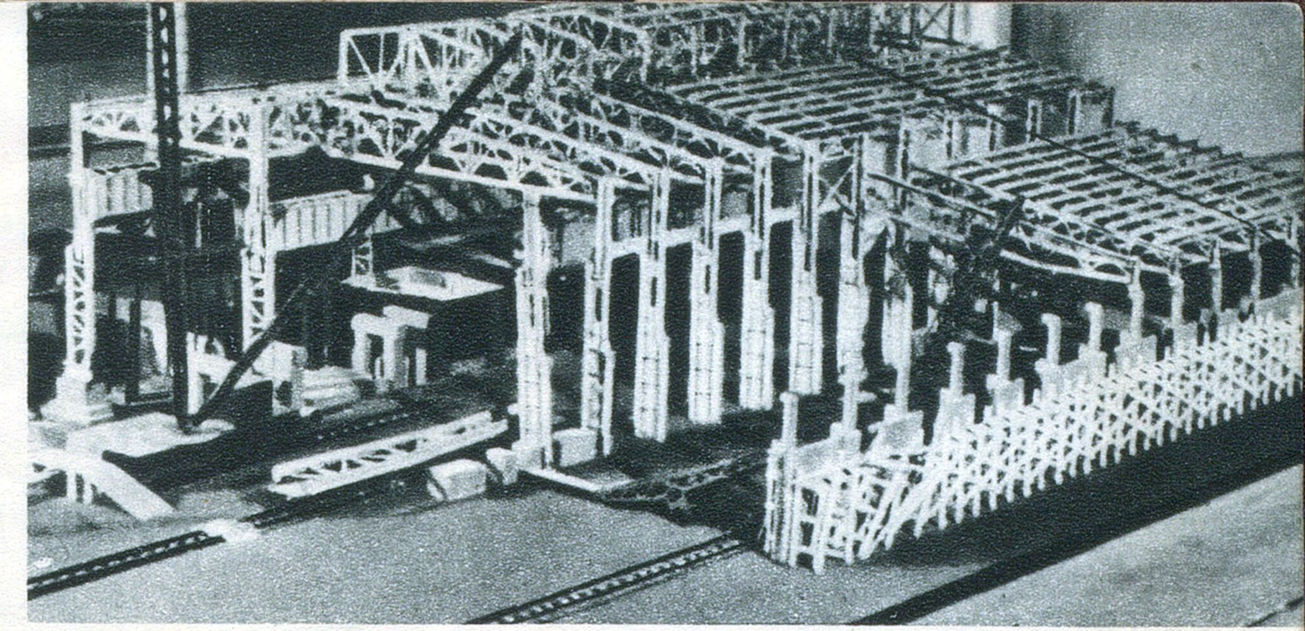
На выставке показано многое, что ещё недавно было военной тайной. Так, посетитель узнает, какие города скрывались под таинственной буквой «Н», где, как и в какие сроки были выстроены крупнейшие советские предприятия—гиганты автомобильной, металлургической и машиностроительной промышленности. Впервые рассказано о том, как по дну Ладожского озера строители и эпроновцы проложили нефтепровод, по которому доставлялась нефть в Ленинград. Люди Ленинграда не знали о существовании этого нефтепровода — он был засекречен. Не узнали о нём и немцы, хоть немало бились над разгадкой тайны снабжения войск горючим в дни ленинградской блокады.

Заводы, поселки, домны и мосты, точные и изящные макеты которых мы видим на выставке, и всё, что представлено здесь в подлинниках,—электростанции на колёсах, сварочные и сушильные установки, передвижные бетономешалки, компрессоры, водяные насосы и другие чудесные механизмы, облегчающие труд человека,—это триумф советского строительства, советских методов труда, советского планирования. Это—торжество знаний и одарённости советского человека, его всепобеждающей любви к родной земле.

Так выглядела крупнейшая доменная печь на юге — домна № 4 завода Азовсталь, взорванного немцами. Взрыв накренил домну и сорвал её с фундамента. Восстановители, не прибегая к демонтажу, подняли домну весом в 2600 тонн на четыре метра и передвинули её на полтора метра, чтобы поставить на новое основание. Неслыханная в истории мировой техники передвижка домны была произведена в две рабочих смены.

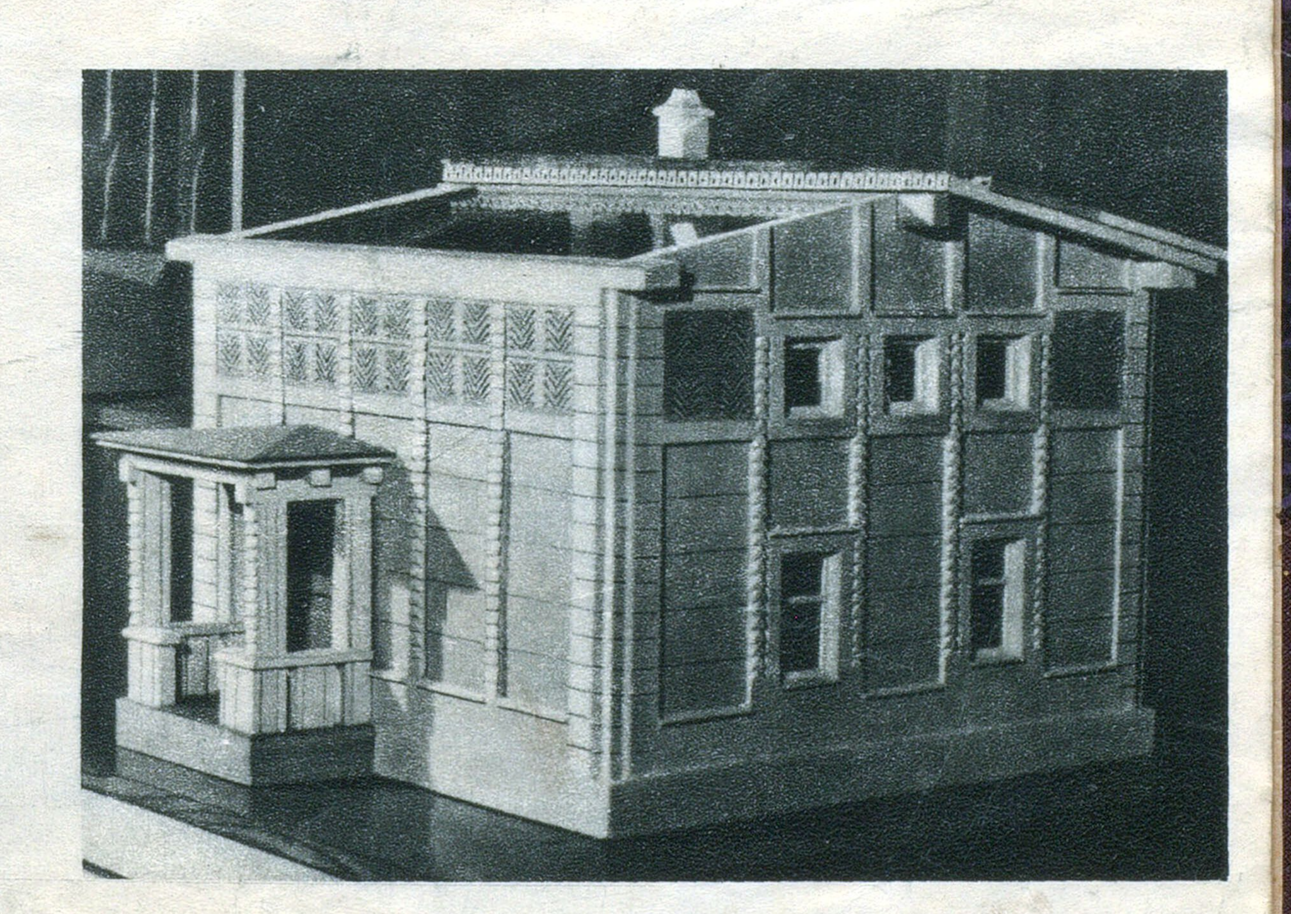
Мартеновский цех Челябинского трубопрокатного завода был выстроен в два с половиной раза быстрее, чем сооружались такие же цехи до войны. Спустя восемь месяцев с того дня, как на площадку пришли строители, первая мартеновская печь дала сталь.

Слева вверху—панорама восстановленного Сталинграда, работы художника Лабаса. Это район легендарной обороны Сталинградского тракторного завода. Вновь дышит и живёт гигант СТЗ над великой русской рекой.

Слева внизу—за четыре военных года Народный комиссариат строительной промышленности СССР восстановил 532 машиностроительных завода, построил и перебазировал 13 новых заводов. Среди построенных заводов особое место принадлежит гиганту тракторной промышленности — Владимирскому заводу, огромную территорию которого вы можете сейчас окинуть взглядом.

Макет гипсового дома. Первый посёлок таких прочных и удобных домов вырос в дни войны в городе Стерлитамаке (Башкирия). За годы войны Наркомстрой СССР сдал около двух миллионов квадратных метров жилой площади домов этого типа. Наши строители применяют в строительстве изоляторы из простой берёзы, высушенной токами высокой частоты, бетон необычайной прочности, из которого удалена жидкость способом вакуума, минеральную вату, превосходно сохраняющую тепло, и многие другие новинки строительной техники, вполне оправдавшие себя на практике.

ГАЛЯ ОЧЕНЬ ЛЮБИТ МОЛОКО...

Фото Б. Репина
(см. след. страницу)

ДЛЯ НАШИХ ДЕТЕЙ

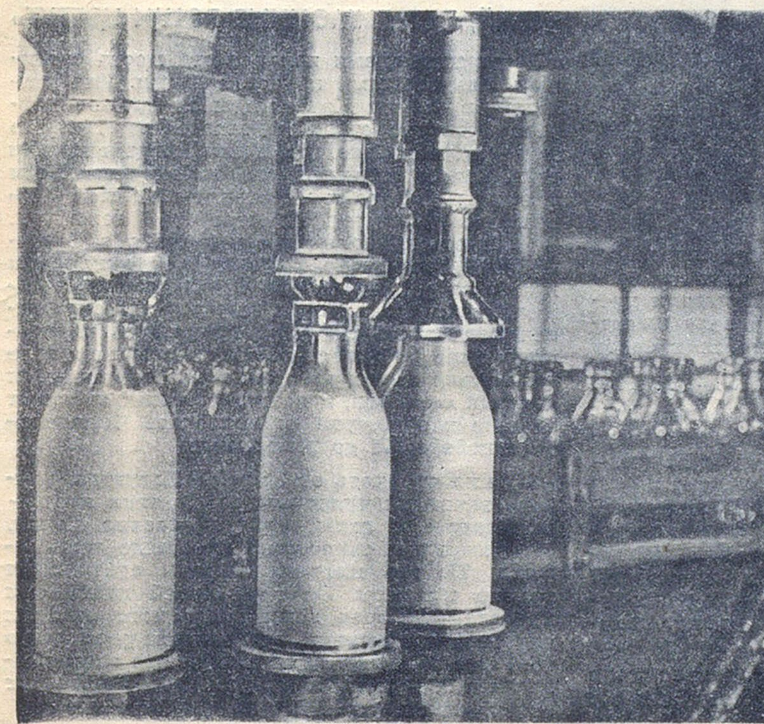
Фото Б. Репина

У заводских ворот остановились грузовики. Они доставили молоко на Московский ордена Трудового Красного знамени молочный комбинат имени А. М. Горького. Это один из старейших заводов страны.

Сначала молоко поступает в цех приёма. Здесь его взвешивают и производят анализ на кислотность и жирность. Этажом выше помещается цех пастеризации молока — основа производства. Просторный белый зал выложен облицовочными плитками. В нём сложная система труб и аппаратов. Людей почти не видно. В громадных алюминиевых баках горячее молоко выдерживается в течение получаса. Затем оно охлаждается и поступает в хранилище, а перед отправкой к потребителю проходит окончательный контроль. Ни одна капля молока не выпускается, прежде чем дежурный химик-эксперт не убедится в высоком его качестве и полном соответствии требованиям государственного стандарта.

На снимках: слева — автоматический разлив молока; внизу — расфасовка молочных сырков; справа — микробиолог В. Кулешова проверяет качество молока.

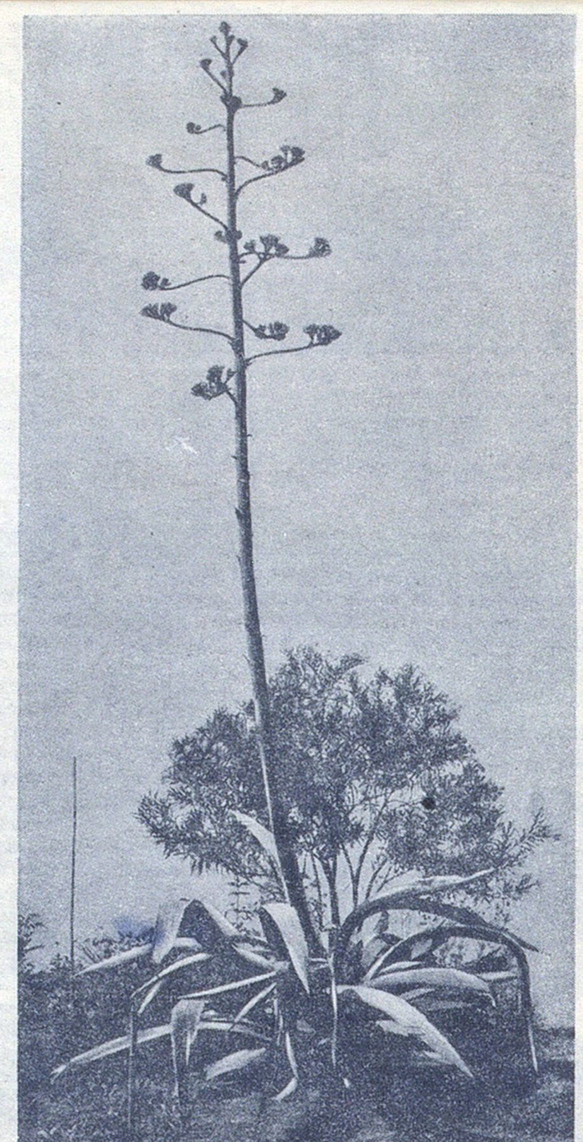

В СОВЕТСКИХ СУБТРОПИКАХ

И. Константиновский

Мексиканская агава
в Батумском ботаническом саду.

ВОЛШЕБНАЯ КИСТЬ

Бывает так, что один мазок кисти природы растянут на десятки и сотни километров. Тогда пейзаж может показаться однообразным и даже унылым. Но в тех местах, где природа поработала, как тонкий художник над небольшим полотном, можно иногда одним взглядом охватить всё богатство линий и красок, выведенных её волшебной кистью. Именно таков пейзаж Черноморского побережья Западной Грузии, которое в географии носит название «субтропики».

На расстоянии каких-нибудь пяти лётных часов от Москвы вы попадаете в мир вечного тепла, влаги и пышной растительности.

В Москве самолёт стартовал с заснеженного аэродрома, но, преодолев Кавказский хребет и в последний раз пробив облака, он словно окунается в другую стихию. Она пронизана ослепительными потоками солнечного света. Слева величественные высоты Кавказских гор, справа бескрайний простор Чёрного моря, а внизу, под самолётом, весь утопающий в растительности берег, около которого узкой лентой вьётся бирюзовая ткань прибоя.

Когда вы уже находитесь внизу, на побережье, вы замечаете, что даже цвет земли здесь иной, чем тот, к которому вы привыкли. Обнажённые осыпавшиеся выступы прибрежных холмов окрашены в цвет шоколада. Это субтропическая «каштановая почва» — один из источников необычайного плодородия побережья.

Здесь каждая краска и каждый оттенок роскошного ландшафта обозначает какое-нибудь богатство.

Задержитесь на минутку на любой вершине Аджарского побережья. Они часто бывают похожи на большие открытые амфитеатры. Присмотритесь внимательнее. Весь амфитеатр как бы выложен ровными ступенями взбирающихся на гору круглых тёмнозелёных кустов. Это чай. Между ступенями чайных кустов лёгкая колоннада цитрусовых деревьев. Их также можно узнать по цвету. Тёмная листва — это апельсины, светлозелёная — лимоны. У подножья амфитеатра колоннады пальм, а совсем внизу, где полагается быть арене, блестит светлый луг — это табак. Амфитеатр обсажен гигантскими эвкалиптами: они защищают плантации от ветра и вместе с тем высасывают из земли всю лишнюю влагу.

Но это — ещё далеко не всё. В субтропиках рядом с низкими кустами чая растут рощи высокого светлозелёного бамбука, горделивый лавр уживается по соседству с пробковым дубом и японской хурмой; здесь же вы встретите скромный на вид, но драгоценный тунг, зелёный кипарис, гигантские камфарные деревья, мирту, олеандр, магнолии.

Двухтысячеметровая стена гор защищает пышную растительность субтропиков от проникновения холодных ветров с севера и востока. Отсюда сказочная красота и плодородие этих мест, ставших родиной советских цитрусовых культур и одной из лучших здравниц Союза.

В САДУ ПЯТИ МАТЕРИКОВ

В семи километрах от Батуми, около станции «Зелёный мыс» стоят белые каменные ворота. На них скромная дощечка: «Батумский ботанический сад субтропических культур». От ворот дорожка, усыпанная гравием, ведёт по крутому склону вверх, к утопающей в зелени даче. Здесь помещаются дирекция, научные кабинеты, лаборатории сада.

На далёком острове Ява, в идеальных природных условиях, размещён знаменитый ботанический сад Бейтензорг, в котором сосредоточены богатейшие живые коллекции тропических и субтропических растений мира. Батумский ботанический сад несмотря на свою молодость давно уже стяжал себе славу советского Бейтензорга. Принцип размещения растений в Батумском саду выгодно отличает его от всех ботанических садов мира.

Репортаж «ОГОНЬКА»

Растения каждой субтропической страны собраны здесь все вместе на отдельном пространстве. Вы гуляете по саду, он раскинут на десятках гектаров, и через каждый час — другой вы попадаете на иной материк!

«Внимание — здесь начинается Японский отдел». Вы делаете несколько шагов и попадаете... в Японию. Ущелья сплошь покрыты вишнями, хурмой и зелёными рощами бамбука. Вот стоит японский дуб с необычайной для нас листвой и желудями, похожими на лесные орехи.

Рядом с ним странное и редкое дерево третичной эпохи, имеющее форму башни: «подокарпус». Дальше вы видите древнейший «гинко-билеба», это — «священное дерево» Японии с оригинальными гладкими листьями.

Слева от аллеи бамбуковая изгородь, а за ней начинается карликовый японский сад. Год за годом подрезываются корни деревьев, так что они сводятся к миниатюрным размерам. Одновременно деревья стригут снаружи, придавая им разные причудливые формы.

В результате получается миниатюрный сад, на крохотном клочке земли воспроизводящий все богатства природы. Вот стоит ряд карликовых сосен, они посажены много лет назад, но не превышают роста двухлетнего ребёнка, растёт можжевельник, имеющий поразительную форму спиральной башни, но не выше полуметра от земли. Весь сад выглядит, как тонкий японский рисунок, выведенный лаком и тушью.

Вы проходите несколько шагов — и попадаете из Японии в Северную Америку с её характерными большими кипарисами и хвойными деревьями, сбрасывающими хвою на зиму. Среди них гигантская секвоя — мамонтовое дерево, гордость знаменитого Иелоустонского парка.

Здесь из Северной Америки можно легко попасть... в Мексику. Перед вами пустынное плоскогорье, обрамлённое коллекцией мексиканских кактусов. Отдельно от всех стоит знаменитая агава — столетник, который цветёт только раз в жизни, выбрасывая из себя стройный шестиметровый ствол.

После мексиканских кактусов начинаются эвкалиптовые леса Австралии, сосны Гималаев и, наконец, богатейшая флора Кавказа.

Более 1200 видов и разновидностей субтропических растений растут в этом саду на сравнительно узком пространстве. Здесь прививаются, осваиваются и видоизменяются культуры южных стран всех пяти материков и тем самым делается очевидным, какие огромные возможности таит в себе почва наших субтропиков.

В течение последних 20 лет именно отсюда шло распространение в советских субтропиках огромного количества саженцев цитрусовых, японской хурмы, бамбуков и других самых разнообразных видов и сортов субтропических растений. Батумский сад давал семена и черенки для всех совхозов и колхозов субтропиков, а также для Азербайджана, Армении и Средней Азии. Но вводить и распространять растение нельзя без всестороннего изучения его свойства. Для этого в саду имеются научные отделы и лаборатории, комплексным путём изучающие экзотическое растение и способы его использования в производстве.

«КРАЙ, ГДЕ ЛИМОННЫЕ РОЩИ ЦВЕТУТ»

В царское время как раз эти места считались нездоровыми и бесплодными. Для разведения чая на Кавказском побережье царское правительство отпускало 600 рублей в год. Сегодня Советская Аджария даёт тысячи тонн чая, располагая не только чайными плантациями, но и мощными чайными фабриками, оснащёнными передовой техникой. За последние двадцать с лишним лет Черноморское побережье Грузии превратилось в грандиозный цитрарий Союза. Здесь посажены миллионы мандариновых и сотни тысяч лимонных деревьев. Появились плантации ранее не известного в этих местах тунга. Только на территории Аджарии имеются десятки совхозов, и каждый из них собирает больше плодов, чем собирало всё Черноморское побережье до революции.

Можно проехать от Сочи до Батуми и увидеть внешний чудесный облик этих мест — плантации и сады, субтропические парки, белокаменные санатории, красивые дома отдыха. Но это значит увидеть субтропики только мельком. Во всей своей красе они предстанут перед вами после того, как вы поговорите с людьми и услышите рассказы о том, как жил этот край в тяжёлые годы войны, чем живут люди сегодня и чего они ждут от будущего.

...В трёх километрах от турецкой границы, южнее Батуми, расположен Гонийский цитрусовый совхоз имени Берия. Дорога в Гонио идёт по обрывистому высокому берегу реки Чорох. Машина осторожно взбирается по крутой автомобильной тропе, переходит вброд быстрые потоки разлившихся горных ручейков, пересекая попутно широкие поляны, заросшие кукурузой высотой в добрых два человеческих роста.

Наконец, вы приезжаете в Гонио. Первое, что вам бросается в глаза, — это высокая серая стена старинной крепости. Она охватывает территорию в четыре гектара. Поднимаетесь по ступеням, высеченным в камне. Перед вами панорама Гонио. Цитрусовые деревья заполняют даже крепостной двор. Их ровные ряды тянутся далеко по окрестности, поднимаются к вершинам холмов, спускаются к морскому берегу. Целое море лимонных и апельсинных деревьев раскинулось на 140 гектарах.

Чаквинский чайный совхоз имени Ленина в Аджарской АССР. Стахановка Вера Прежева, собирающая в день 80 килограммов чайного листа при норме 10 килограммов.

Фото Я. Рюмкина.

В саду имеется несколько семидесятилетних апельсинных деревьев. Долгое время они были единственными представителями своего рода почти на всём побережье. Ещё в 1932 году, когда, по инициативе Л. П. Берия, был организован Гонийский совхоз, цитрусовые деревья насчитывались здесь десятками. Сегодня их уже тысячи.

Вот поразительная летопись совхоза Гонио в цифрах: в 1937 году здесь собрали 800 тысяч мандаринов, 125 тысяч лимонов и 260 тысяч апельсинов. В 1940 году Гонийский совхоз уже дал 3 миллиона мандаринов, 800 тысяч лимонов и 725 тысяч апельсинов. Самый высокий урожай за всё время своего существования совхоз дал в разгаре войны, в 1943 году: тогда было собрано свыше 4 с половиной миллионов мандаринов, 950 тысяч лимонов и 550 тысяч апельсинов.

Как это было достигнуто? Директор совхоза тов. Никидзе отвечает кратко: «Правильной работой». Что кроется за этими словами?

В описаниях некоторых путешественников знойный юг выглядел когда-то сказочной страной, где природа «сама всё делает» для блага человека. Посетите современный цитрусовый сад — вы увидите, насколько это неверно. Восхитительные золотые яблоки требуют много забот, много трудов и кропотливой работы. Работа не прекращается весь год. В марте начинается перекопка деревьев, потом их нужно трёхкратно лечить, обрезать, окучивать, обвязывать — всего двенадцать различных операций. В довершение ко всему деревья нужно... согревать.

В субтропиках бывает несколько морозных ночей в году — цитрусы могут погибнуть. Во избежание этого заготовлены специальные грелки, жестяные печи. Они стоят в саду около каждого дерева. В холодные ночи их топят мазутом.

Плоды грейпфрута.

В Гонийском совхозе несмотря на трудности военного времени, несмотря на то что среди рабочих не осталось ни одного взрослого мужчины, умелые руки женщин и молодёжи ухаживали за каждым деревцем, и сад продолжал цвести и расти, как будто в мире ничто не изменилось.

Где-то, за много километров отсюда, снаряды разрывали землю, где-то наводил своё орудие на немцев бывший агротехник совхоза — садовник Моргошиа, дошедший до Берлина, а здесь, в Гонио, на его участке, молодёжь справлялась со всей работой. Цитрусы цвели, зрели, наливались соком. Тамара Легопитова и Назми Ванидзе вполне заменили фронтовика Моргошиа.

Так было во всех цитрусовых хозяйствах побережья, на чайных плантациях Чаквы, в ботаническом саду Батуми.

В годы войны Батумский сад передал Наркомздраву для испытания ряд новых медикаментов, полученных из местного сырья. Эфирное масло эвкалипта Макартура оказалось заживляющим раны средством. Эфирное масло камелии Сасанква явилось полноценным заменителем гвоздичного масла, применяемого в медицине. Экзотические растения были поставлены на службу нашей победы, как и всё, чем богато Кавказское побережье.

Репортаж «ОГОНЬКА»

Репортаж «ОГОНЬКА»

Это сделали скромные сборщики чая, девушки из лимонного сада «Гонио», научные сотрудники Батумского ботанического сада, стахановцы чайных фабрик Чаквы и множество других патриотов и тружеников.

Бамбуковая роща в Аджарской АССР.

Природа субтропиков давно воспета на многих языках мира. Но у нас «край, где лимонные рощи цветут», богат чудесными людьми, которые не меньше, чем природа, достойны кисти художника и пера поэта.

РОДИНА СОВЕТСКОГО ЧАЯ

На автомобильном шоссе Батуми — Чаква водители могут держать экзамен зрелости. Нелегко мчать машину по извилистой крутизне гор, делать развороты в 45 градусов чуть ли не каждые полминуты и обходить по узкой ленте дороги, на самом краю пропасти, мчащиеся вам навстречу «студебекеры».

Вся прелесть субтропиков перед нами, как на ладони. Целыми километрами здесь тянутся пальмовые аллеи. Рядом с лимонно-мандариновыми рощами цветут магнолии. Воздух прозрачен и чист, как янтарь. Отчётливо видны силуэты снежных кавказских вершин, далеко внизу на фоне моря — панорама Батуми, а ещё дальше, в дымке, — берега Турции.

Когда дорога спускается к Чакве, по обеим её сторонам расстилаются огромные ковры, сотканные из тёмной зелени чайных кустов. Они покрывают всю окрестность. Это плантации известного Чаквинского чайного совхоза, который по урожайности занимает первое место в Аджарии.

Полвека назад русский помещик Попов заложил здесь первые чайные кусты. Но как убого выглядят эти робкие опыты по сравнению с тем, что сделано в годы советской власти!

Чаквинский совхоз нелегко осмотреть, даже объезжая его на машине. Одни только чайные плантации занимают около 600 гектаров земли. Но совхоз располагает ещё сотнями гектаров цитрусовых и тунговых насаждений, рощами бамбука и большим подсобным хозяйством. Это подлинный субтропический комбинат, который даёт стране тысячи тонн чая и тунга, миллионы цитрусов, бамбук, камфару, лекарственные растения.

В самом центре чайных плантаций высится белое здание с огромными стеклянными окнами, похожее на санаторий, — Чаквинская чайная фабрика № 1. Внутри фабрика также напоминает санаторий или лабораторию: огромные цехи со стеклянными стенами, блестящие медные станки, трубы и аппараты для механического вяления чая. Интересно наблюдать, как блестящие медные «роллеры» механически скручивают чайные листья, которые, быть может, только сегодня были сорваны там, за окном, умелыми пальцами девушек с корзинами, привязанными за плечами. Техника фабрики действительно позволяет в 24 часа полностью переработать чайный лист, поступающий сюда немедленно после сбора.

Чем жила Чаква в годы войны?

В первый военный год Чаквинский совхоз дал самый высокий урожай за всё время своего существования — 2,5 миллиона килограммов чайного листа, миллионы мандаринов, сотни тысяч апельсинов. Но чай требует не только работы: ему необходимы азотисто-фосфорные удобрения, а они вырабатывались в оккупированном врагом Донбассе. Качество чайного листа ухудшилось, но совхоз всё же сумел спасти своё хозяйство. В прошлом году было собрано 1700 тысяч килограммов чайного листа, несмотря на то что совхоз получил только 20% требуемых удобрений. В этом году грубого листа больше не собирали, вся продукция — первосортная, а сбор будет не меньше.

В Чакве растёт и тунг — одна из ценнейших культур субтропиков. Тунговое масло незаменимо в авиастроении. В мировой практике насчитывается более 800 других применений тунгового масла.

Первые промышленные плантации тунга у нас появились недавно. Теперь они простираются на сотни и тысячи гектаров и расширяются с каждым годом. В Чаквинском совхозе в этом году получат с гектара 3500—4 тысячи килограммов тунговых орехов. Ветви тунговых деревьев совхоза усеяны крупными желтоватыми орехами. Их так много, что пришлось кое-где укрепить ветки специальными подпорками.

ПОД ЗНАКОМ МИРА

Когда проезжаешь по западным дорогам Союза, видишь тяжёлые следы войны. Здесь, в субтропиках, этого нет. Враг сюда не проник, его щупальца были отрезаны ещё у предгорий Кавказа. На благодатной «каштановой земле» нет разрушенных городов. Но немецкое нашествие отразилось и в этих местах. Чайные кусты Чаквы тяжело пережили оккупацию гитлеровцами Донбасса, лимонные рощи Аджарии ощутили нашествие немцев на Украину. Субтропические культуры — многолетние. Если чайный куст ослабел от отсутствия удобрений, его нельзя исправить за один год. Однако тяготы войны не приостановили роста цитрусового хозяйства советских субтропиков. Об этом свидетельствуют на каждом шагу люди и цифры. По сравнению с 1941 годом денежный доход большинства цитрусовых хозяйств в 1945 году увеличился в пять раз. Лето было прохладное, дождливое, сбор цитрусовых запоздал, тем не менее Чаквинский совхоз даст 8 миллионов мандаринов, и Гонийский совхоз — 1,5 миллиона лимонов.

Наша победа сделала вполне реальными перспективы невиданного роста колхозов и совхозов Аджарии. Все работы в этом году были проведены в срок. Подготовленная земля может дать в ближайшие годы изумительные результаты. Гонио даст в будущем году до 3 миллионов лимонов и 7 миллионов мандаринов, а Чаквинский совхоз собирается довести урожай мандаринов до 25 миллионов в год, не расширяя площади плантаций.

...Когда я уезжал из Аджарии, уже началcя сбор цитрусовых. Он проходит в этом году под знаком мира и возвращения в родные места тех, кто заложил эти плантации, кто любовно выращивал их до первого дня Отечественной войны.

ЧЕМУ СМЕЯЛСЯ ЗРИТЕЛЬ

ОПЕРЕТТА «НИЩИЙ СТУДЕНТ» В ТЕАТРЕ ИМЕНИ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО И В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

Фото С. Шингарёва

Смех в старинной оперетте — не только элемент спектакля, но основа его. Знаменитая оперетта Миллекера «Нищий студент», поставленная театром имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, богато озеленена «цветами юмора», иной раз незатейливого, но вызывающего бурный смех зрительного зала.

Чему смеялся зритель? Запоминаются следующие каламбуры, анекдоты и весёлые репризы, внесённые в новую постановку авторами русского текста Н. Эрдманом и М. Улицким.

* * *

— Все подруги студентов — ангелы. Потому что ходить каждый день на базар и не стать ведьмой может только ангел!

* * *

— Дождик льёт, как из ведра. Пожалей свою мать, Лаура! Если ты схватишь воспаление лёгких, я слягу!

* * *

— Какая тьма! Скажите, спички у вас есть?
— Нету!
— Ехать вечером в лес без спичек! В жизни не видела такого идиота!

На снимках вверху: народная артистка РСФСР М. Гольдина в роли Брониславы и артист Н. Тимченко в роли Владека.

Слева: сцена из 2-й картины оперетты «Нищий студент».

— А теперь видите?
— К сожалению, вижу!..
— Ну, раз вы видите в такой темноте, зачем вам спички?

* * *

— Раз ты сегодня выходишь замуж, Лаура, я не могу скрыть от тебя, что спящие мужчины очень сильно храпят...
— Теперь я понимаю, почему на свете бывают старые девы. Можно с ума сойти: в продолжение всей жизни слышать такую музыку!
— Ах, скоро будет уже пятнадцать лет, как я её не слышу, и... от этого тоже можно сойти с ума!

* * *

КУПЛЕТЫ ЛГУНА

Я помню, раз во время оно
Бродил я по лесам Цейлона.
И как-то утренней зарёю
С очковой встретился змеёю.
Из пасти высунувши жало,
Она ко мне уж подползала,
И был момент, когда, поверьте,
Готов я был к ужасной смерти...
Но ведь герой-то я не даром —
Мгновенно сабельным ударом
Змею я по лбу ударяю,
Очки в осколки разбиваю,
Ослепла, бедная, понятно!
И, плача, поползла обратно!

* * *

Тургенев как-то сказал, что в смехе «есть примиряющая и искупляющая сила...»

Смех в зрительном зале на спектакле «Нищий студент» примиряет и искупает некоторые недочёты этого, в целом блестящего музыкального представления (постановка П. Маркова и П. Златогорова. Дирижёр — С. Самосуд. Художник — Б. Волков. Текст Н. Эрдмана и М. Улицкого).

На снимках внизу: народная артистка РСФСР Н. Кемарская в роли Лауры; справа: заслуженная артистка РСФСР А. Росницкая в роли графини Пальматика и заслуженный артист РСФСР В. Канделаки — в роли полковника Олендорфа.

ПУШКИН В КОЛХОЗЕ

Г. Блок

Рисунки Д. Пивоварова

Это было в одном из самых глубинных среднерусских районов.

Как-то зимним вечером я сидел в избе-читальне. Ждали, когда соберётся народ, чтобы начать общее собрание колхозников. Подсели две девушки и, неуверенно заглядывая мне в глаза из-под платков, заговорили о недавнем школьном спектакле:

— Вот бы и нам сыграть!..

Мы разговорились, размечтались.

— Давайте, — сказал я, — поставим пушкинского «Бориса Годунова».

— Не справимся. Не дойдёт. Да и какой «Борис» без декораций и костюмов? — возразила подошедшая к нам директор школы.

— Как без костюмов? Будут и костюмы и декорации.

Я не боялся, что «не дойдёт»: Пушкин за себя постоит. Ну, а насчёт того, что не справимся... если возьмёмся, так надо справиться. И взялись.

Поначалу дело не очень-то ладилось. Одних актёров требовалось восемнадцать человек. Да ещё для почти сплошь мужских ролей. А где взять молодых мужчин на третьем году войны?

Какова же была наша радость, когда колхозный кладовщик, пятидесятипятилетний ветеран империалистической войны, заявил отрывистым баритоном, что согласен сыграть летописца Пимена! По тому, как угрюмо блестели его маленькие впалые глаза, по тому, как глубоко втягивал он небритые щёки, посасывая трубочку, я понимал, что решение обошлось ему дорого: всё своё мужество пустил он, вероятно, в ход, чтобы пренебречь укорами жены, глубоко задетой его «легкомыслием».

Пошли читки, потом репетиции. Мне вспоминается школьный класс с большими квадратными окнами, слабо освещённый десятилинейной лампой. Мы сидим вдвоём с директором за утлым учительским столиком спиной к партам, где перешёптываются и пересмеиваются не занятые в сцене актёры. А перед нами, на узком пространстве между классной доской и немой картой двух полушарий, мягко топая валенками, движется семнадцатилетний «самозванец». Марина Мнишек — она же учительница биологии, — кутаясь в оренбургский платок, уверяет его — пока ещё не очень убедительно, — что видала у ног своих и рыцарей и графов благородных.

— Куда руки девать, когда она меня ругает? — спрашивает Григорий Отрепьев.

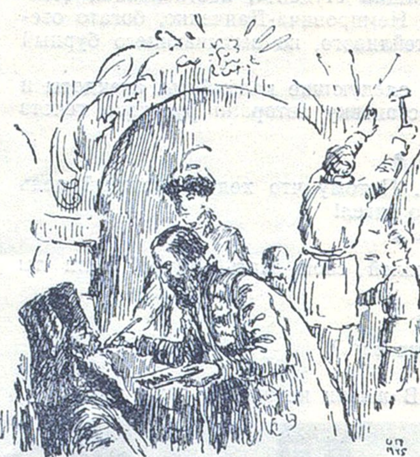
Роль Бориса пришлось исполнять мне, а царевича Фёдора играла ученица-шестиклассница. До сих пор не могу понять, почему она так меня боялась. Положу, бывало, руку на худенькое её плечо и скажу со всей доступной мягкостью:

> «Учись, мой сын, наука сокращает
> Нам опыты быстротекущей
> жизни...», —

а она смотрит на меня с ужасом.

Открылся среди нас и настоящий сценический талант. Это был двадцатилетний паренёк, успевший дважды побывать на фронте и получить три ранения. Он необыкновенно изобретательно исполнял Мисаила. Разговоры монахов в корчме, а уж особенно их песни приводили нашу публику в восторг. С большой нежностью вспоминаю я другого юношу. Надо было видеть, как самозабвенно шевелил он оттопыренными губами, шопотом подзубривая по книжке свои реплики. Всю душу вложил он в исполнение маленькой роли царского пристава и сумел сделать её заметной.

Нашим пылом заражались всё новые и новые люди. Депутат сельсовета, пожилой обходительный человек с американскими стрижеными усиками, сам предложил свои услуги и выпилил из фанеры чудесный царский престол. Другой старик — лучший на селе плотник и сеятель — вызвался заведывать перестановкой декораций. Ему помогали два шустрых школьника, и все трое проявляли такую распорядительность, что антракты никогда у нас не затягивались.

До начала спектакля оставалось каких-нибудь два часа. Я приклеивал бороду Пимену....

Декорации расписывала моя дочь, студентка Академии художеств. Эвакуация оторвала её на время от живописи и научила боронить, возить навоз, косить, жать и полоть. На её лицевом счету набралось уже за полтора года больше шестисот трудодней, когда она снова взялась за кисть и на щитах, заклеенных старыми номерами «Правды», принялась изображать стены кельи в Чудовом монастыре, корчму на литовской границе и лазоревые своды царских палат в Кремле с зелёно-золотыми жар-птицами.

Сад воеводы Мнишека был доставлен в натуральном виде из так называемого «казённого» леса, увязшего в глубоком февральском снегу. В этой поездке мне сопутствовал подросток лет шестнадцати, исполнявший у нас крошечную роль Семёна Годунова. Зимний день был тих, и вся дорога в лес прошла незаметно. Но когда нас обступили чёрные дубовые стволы с застывшими в острых морщинах слезами, всё пошло иначе. Лёньку удивляло моё поведение. Он недоумевал, зачем я режу никому ненужный красный лозняк, для чего подрубаю под корень корявый куст волчьей ягоды, к чему, увязая в снегу по пояс, тащу его за собой к тощей осинке, увешанной медными пятаками уцелевшей листвы.

Кусты мы разубрали листвой, которую старательно, листочек за листочком, вырезали из бумаги, окрашенной в зелёный цвет. Промасленный лист такой же зелёной бумаги заменил нам «лунный» транспарант. При помощи этой простой техники нам удалось создать такую многоплановую садовую «глубину», какой я не видывал и на профессиональной сцене. Лунный свет дремал на широкой скамье. Самозванец научился великолепно сбрасывать на неё тяжёлую шаль.

Тем временем наш дом преобразовался в настоящий театральный комбинат. Расчёсывали и красили лён для париков и бород, унизывали жемчугом кокошники, расписывали царский посох, вырезывали из фанеры меч Басманова и под руководством моей жены шили костюмы. Кто только не перебывал у нас за эти недели! Что ни вечер, то восемнадцать — двадцать гостей. Женщины безостановочно действуют иглами. Марина Мнишек завивает столовым ножом тонкую бумажную лапшу, готовя себе «страусовый» веер. Тут же директор школы обсуждает со мной текст своего популярно-исторического конферанса. На скамье четыре здоровенных парня терпеливо ждут, когда моя сурово озабоченная дочь начнёт натягивать на стриженные их головы ещё не совсем налаженные парики. Красавице Любочке Китаевой, будущей царевне Ксении, примеряют синее шёлковое одеяние, говорят о каких-то вытачках, и она стыдливо поводит большими очами.

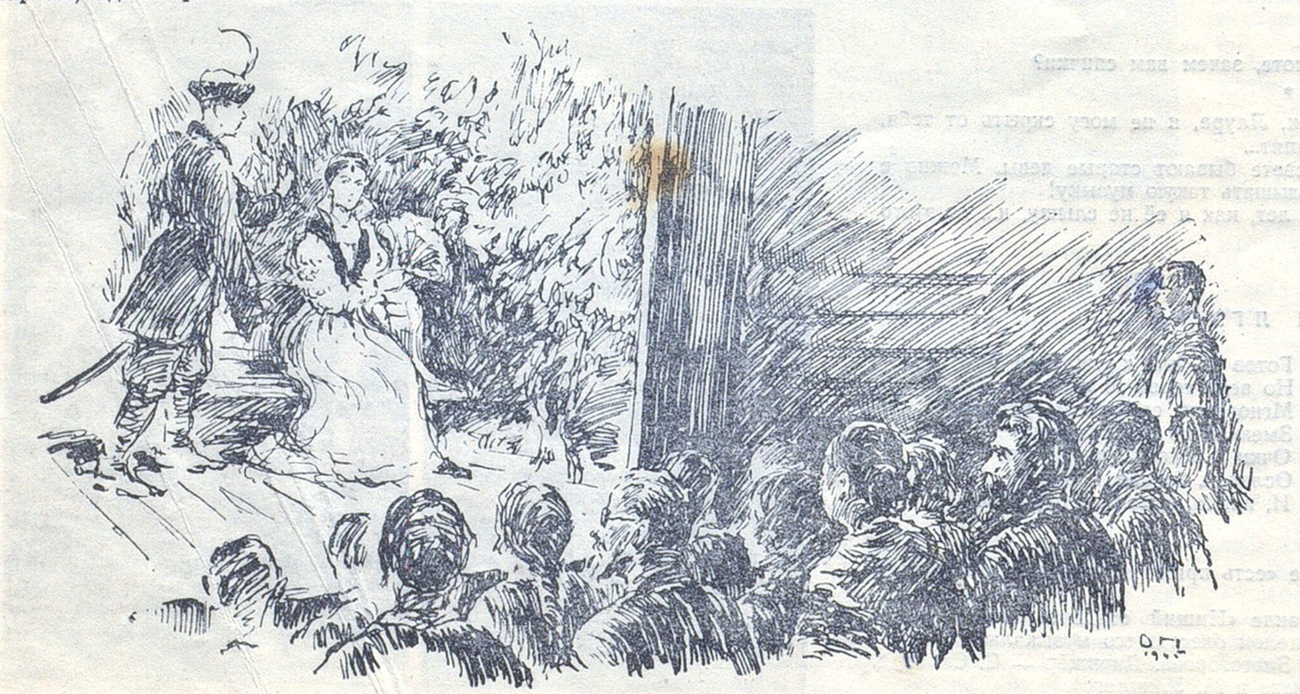
На мою долю выпали обязанности снабженца. Я бегал вечерами из дома в дом, расспрашивал, уговаривал, настаивал и, добившись согласия хозяйки, запускал руки в её заветный сундук. Чего только не выгреб я из этих вековых хранилищ! Необъятные сатиновые сарафаны всех оттенков, пёстрые нитяные пояски с вытканными надписями, ярчайшие, цветастые платки, плисовые поддёвки, алый китайский халат, расшитый золотыми хризантемами, чёрную шёлковую шаль с кроваво-красной бахромой, отрез малинового тиснёного шёлка. Всё это сносилось к нам в избу и немедленно шло в дело. Работа наших портних усложнялась тем, что к чужим сокровищам нельзя было прикасаться ножницами, а перед глазами не было никаких рисунков, кроме случайных картинок в затрёпанной «Ниве» от 1893 года.

Как-то утром жена проснулась со словами:

— Я придумала ночью, как сделать тебе сапоги.

И немедленно стала выпарывать рукава из своего пальто. Из них вышли мне голенища. А ниже были обыкновенные ботинки, обтянутые подобранными в тон рукавам светлопесочными носками. На то и на другое был нашит богатый узор из чёрных и красных лоскутьев, вырезанных ввиде цветов и листьев.

У нас было твёрдо решено не допускать никаких «кое-как». Нашим «комбинатом» были сфаб-

И притихший зрительный зал весь поглощён сложными отношениями между нарядным юношей и злой девушкой...

рикованы свитки летописей, добыто гусиное перо для Пимена, заготовлен «царский указ» с висячей печатью, ручной миниатюрный портрет умершего королевича. Желая оживить робкую игру царевны Ксении, я, рисуя портрет, придал королевичу сходство с некиим молодым курчавым блондином, эвакуированным из Двинска.

Приходилось преодолевать самые неожиданные затруднения. Мой доморощенный петух отчаянно сопротивлялся, когда я вырывал у него из хвоста белое серпообразное перо, которым надо было украсить меховую шапку самозванца. Мать Гришки Отрепьева пришла ко мне расстроенная и сообщила, что её сын не согласен играть без шпор. Как раз в это время к одной работнице правления колхоза вернулся из армии муж, артиллерийский капитан. И его тронутые ржавчиной фронтовые шпоры выручили меня из беды.

Грим я достал с трудом. Гуммозы для лепки боярских носов и лака для наклейки бород я не нашёл бы нигде без помощи ленинградского профессора, эвакуированного в Казань. Сам профессор в своей химической лаборатории наварил нам такого лаку, что отрывать бороды от щёк было больновато, а его жена — ленинградская актриса — щедро наделила нас материалами для грима.

Билеты продавала продавщица сельпо. В день спектакля с самого утра до меня стали доноситься слухи, что там неблагополучно. Наконец, прибегает и сама продавщица:

— У меня скандал за скандалом. Я больше не могу!

Кто же мог предвидеть, что всем, положительно всем захочется сидеть непременно в первом ряду? До начала спектакля оставалось каких-нибудь два часа. Я уже приклеивал бороду Пимену; по телефону только что передали, что из районного центра выехали по нашему приглашению почётные гости, как вдруг мне сообщают, что к числу недовольных примкнули и некоторые актёры. Это было понятно, потому что у каждого из них была, разумеется, девушка, которую хотелось усадить непременно в первом ряду. Прошло ещё полчаса. Я дорабатывал уже бородавку на лбу самозванца, когда меня, как обухом, хватила новая весть: Василий Шуйский, Варлаам и первый пристав тоже начали протестовать. Я пришёл в себя только после того, как директор уговорила и успокоила парней.

Ещё час. Я сижу в жарком, приторно пахучем гриме. Всю нижнюю часть лица свело от профессорского лака. Дочь наскоро подшивает мне под коленом жёлтые атласные шаровары. Слышу сквозь опущенный занавес, как рассаживаются по скамьям зрители, как бодро напирают на дверь юные «зайцы», как отгоняет их наш главный страж, кривой дед Максим, и мрачно думаю: «Кто его знает, что получится из всей этой сумасбродной затеи?»

Через десять минут наступает нечто, близкое к полному блаженству. Я стою, как чеховский Редька, прислонясь виском к кулисе. У меня под ногами расселись четыре девчонки с балалайками, которым предстоит изображать за сценой оркестр самборского воеводы. А где-то там, «в космическом пространстве», прорывая неправдоподобную тишину, знакомый всему колхозу баритон старшего кладовщика Павла Михайловича по-мужицки осторожно, уверенно, толково, со вкусом выносит на общую потребу волшебные, простые слова:

«На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною...»

Я вижу в щелку до странности напряжённое лицо председателя райисполкома, вижу за ним многие другие, близко мне известные, но теперь преображённые, похорошевшие лица и понимаю, что мы не провалились, что мы победим!

Рыжий послушник в чёрном узеньком подряснике договорил последние, угрожающие слова. Занавес опущен. Публика бушует.

А там уже берёзовая ветка просится в открытое окно бревенчатой корчмы, красотка-хозяйка с обольстительным изгибом бровей что-то поёт глубоким крестьянским голосом. Наши ребята под чарами Пушкина. Забыты начисто недавние обиды и перекоры. Они твёрдо шагают по сцене, правильно делают своё дело, звучно говорят, ничуть не робеют.

Открылись кремлёвские палаты, прохваченные двумя расписными арками, и я, наступая в узорных своих сапогах на Шуйского, говорю ему сдавленным голосом:

«...Слыхал ли ты когда,
Чтоб мёртвые из гроба выходили?»

А после лунный сад, неясные звуки польской мазурки, скамья, чёрный бархатный корсаж, аметистовый крест на белой девичьей груди. И притихший зрительный зал весь поглощён сложными отношениями между нарядным юношей в капитанских шпорах и злой девушкой, которые ведут, повидимому, очень для них тяжёлый, то политический, то любовный разговор.

И на следующий день у колодца (с коромыслом на плече) пересуды:

— Всё-таки неправильно она представляла. Куда годится с молодым человеком эдак калякать? Она бы поласковее...

Нам пришлось повторить спектакль два раза на селе, и ещё два раза — в районном центре. Самой замечательной для нас датой было 23 февраля — День Красной Армии. Он совпал со слётом колхозных ударников.

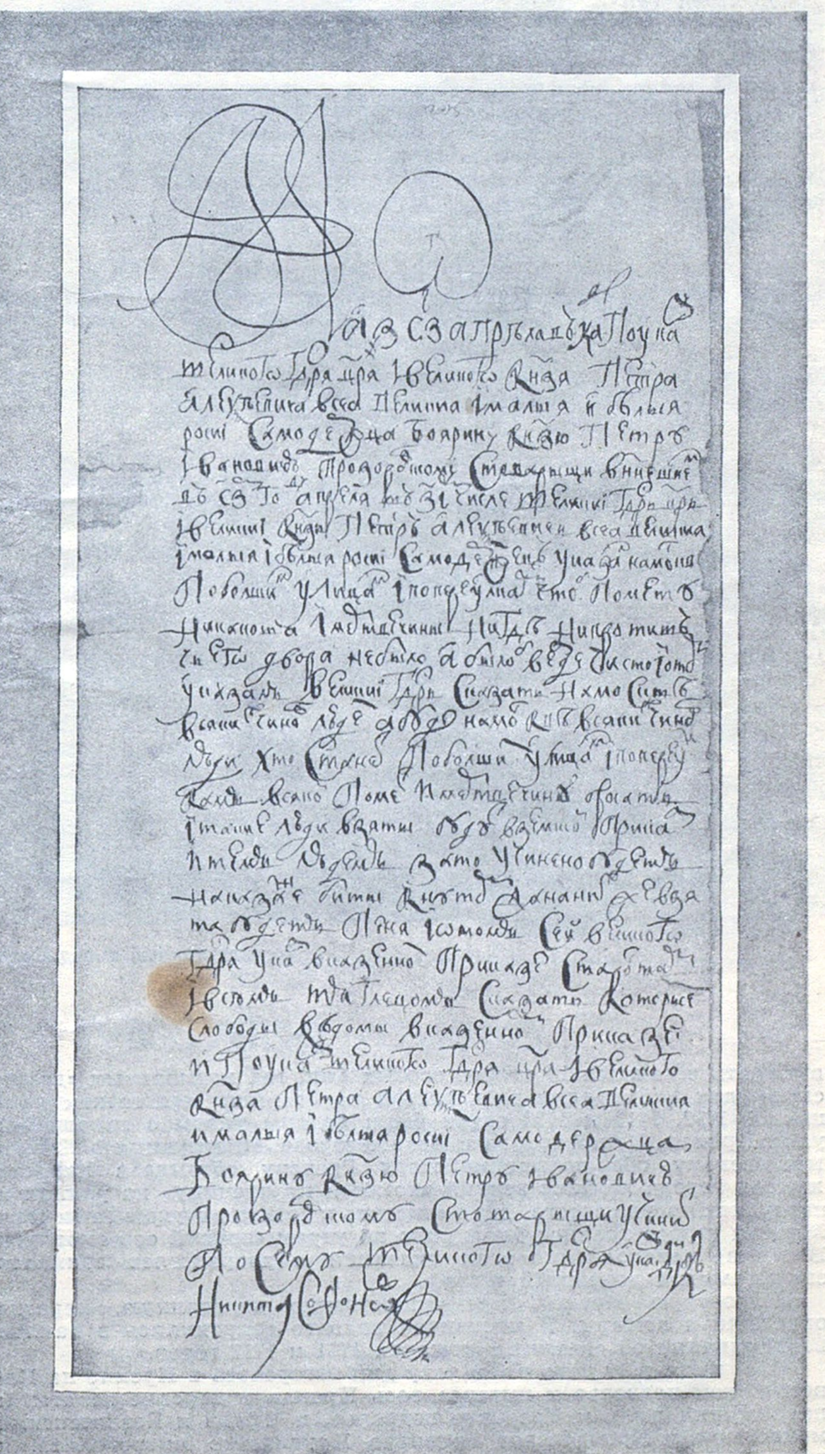
Вечером, после торжественного заседания, состоялось наше представление. Мы выступали в большом зале Педагогического училища, при электрическом свете. Набралось больше шестисот зрителей. Актёры ещё поднатянулись. Всё обошлось как нельзя лучше. Когда открылась декорация нашего романтического сада, сразу же в разных местах послышались аплодисменты, подхваченные секунду спустя всем залом. О нас написали в областной газете. Мы выступали по радио. Наш драмколлектив был премирован на республиканском смотре сельской самодеятельности.

И вот всё кончено. Костюмы распороты, шелка и бархаты возвращены законным владельцам. Кусты изрублены и сожжены в печах избы-читальни. Фельдшер получил назад свою «Ниву». Ходики жизни затикали опять по-будничному. Но в каждом из нас долго ещё жило праздничное сознание смело задуманного и соединёнными силами доведённого до конца большого, общественного дела!

ПЕТРОВСКАЯ МОСКВА

В материалах Посольского, Разрядного, Казённого и Оружейного приказов Правительствующего сената и особенно в делах Кабинета Петра Великого, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов, содержатся обильные сведения о политической, экономической и культурной жизни Москвы при Петре Великом.

Ещё в последнем десятилетии XVII века Пётр I занялся благоустройством древней столицы Русского государства. В архиве Оружейной палаты сохранился весьма любопытный документ — указная память от 21 апреля 1699 года начальнику Казённого приказа боярину князю П. И. Прозоровскому с товарищами. «Лета 7207 апреля в 21 день, — говорится в документе, — великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому с товарыщи. В нынешнем во 207-м году апреля в 17-м числе великий государь, царь и великий князь Пётр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец указал. На Москве по большим улицам и по переулкам, чтоб помёту никакова и мертвечины нигде не против чьего двора не было, а было б везде чисто. И о том указал великий государь сказать на Москве

«Указная память» об объявлении жителям Московской казённой слободы указа Петра I о соблюдении чистоты на улицах и в переулках. 21 апреля 1699 года.

всяких чинов людям. А буде на Москве всяких чинов люди хто станет по большим улицам и по переулкам всякой помёт и мертвечину бросать, и такие люди взяты будут в Земской приказ и тем людям за то учинено будет наказанье, биты кнутом, да на них же взята будет пеня. И о том сей великого государя указ в Казённом приказе старостам и всем тяглецом сказать, которые слободы ведомы в Казённом приказе. И по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому с товарыщи учинить по сему великого государя указу. Дияк Никита Софонов» (Архив Московской Оружейной палаты. № 48055).

Пётр I не переставал заботиться о благоустройстве Москвы на протяжении всего царствования. Указом 1712 года было предписано выбирать с каждых 10 дворов особых лиц, так называемых «десятских», для наблюдения за чистотой на больших московских улицах. В 1712, 1718 и 1722 годах были изданы указы о замощении улиц Кремля, Китай-города и Белого-города. Инструкция 1722 года московскому обер-полицеймейстеру Грекову обязывала каждого жителя города Москвы всякий «помёт и мертвечину» на улицах и переулках против своего дома «чистить и возить в указное место». Жители города должны были рано по утрам «всякий сор сметати». В случае неисполнения этих указаний с дворохозяев взимался значительный денежный штраф.

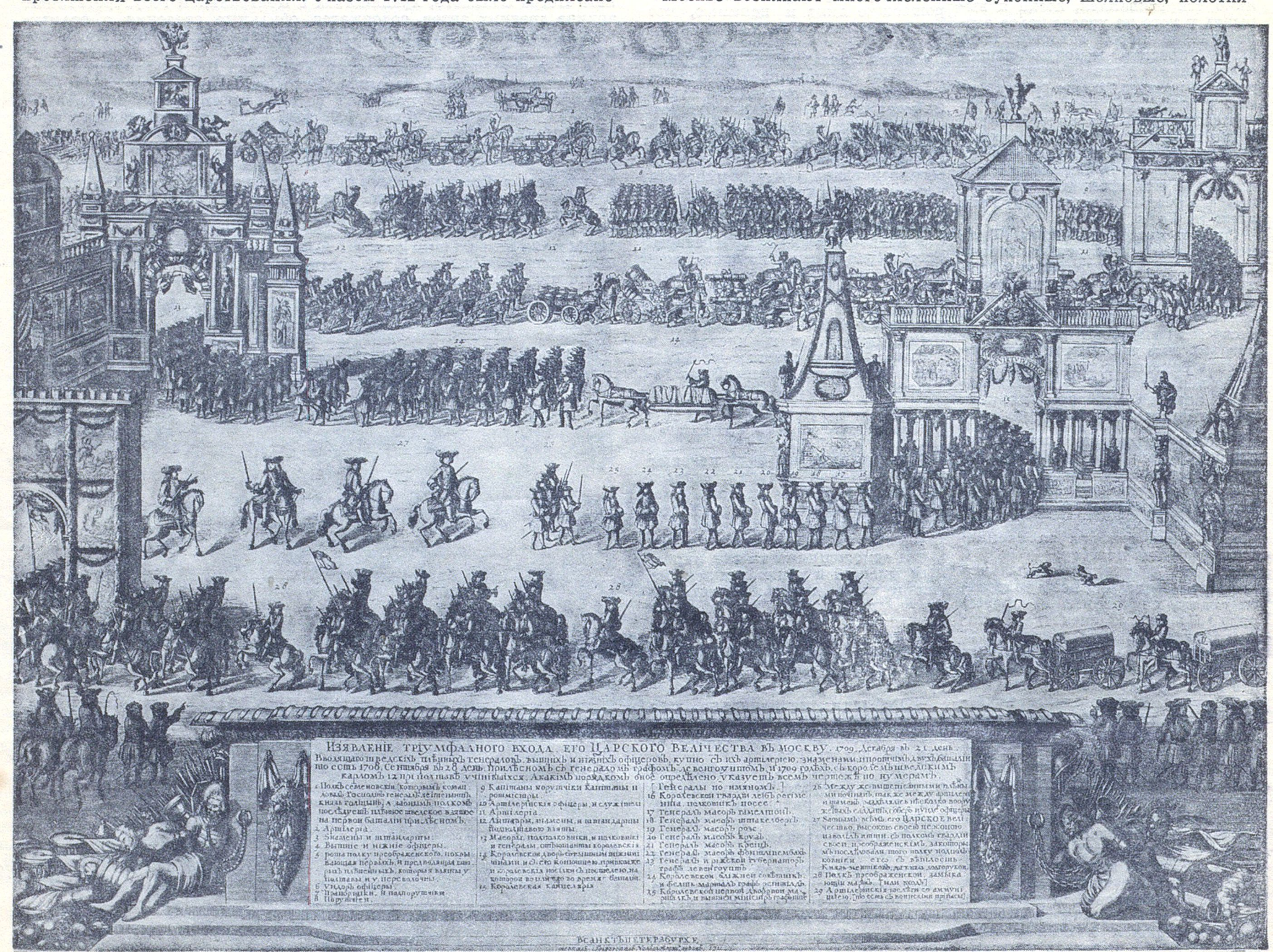
Петровскую Москву, преимущественно деревянную, нередко опустошали пожары. У москвичей надолго сохранились в памяти воспоминания об огромных пожарах 1701 и 1712 годов.

«1701 июня в 19 день в 8-м часу дни загорелось в Кремле на Новоспасском подворье и выгорел весь Кремль и царские полаты, и патриарший двор, и Троецкое подворье, и Чюдов и Вознесенский монастыри, и Кремлёвское подворье Крутицкого митрополита, и дворы боярские — Черкасского, Трубецкого, Салтыкова и дровяной двор, и Пушкарской, и Иноземской, и Судной Московской, и Володимирской и Стрелецкой и Поместной приказы, и позад приказов все дворы, и Судной Дворцовой и Монастырской приказы. И за Москвою рекою по берегу от Москворецких ворот до Каменного мосту выгорело всё, и горело всю ночь. И в Кремле ж на Иване Великом колокола все обгорели и большой царский колокол, в котором весу 8000 пуд, упал и разбился на трое» (Рукописный отдел, № 849/1415, л. 963).

После пожаров в Москве быстро развёртывалось новое строительство. Вместо деревянных построек стали воздвигать каменные. В 1712, 1718, 1720 и 1722 годах Пётр I издаёт специальные указы о строительстве каменных домов в Кремле и в Китай-городе.

В первую очередь отстраивались дома бояр и дворян, торговые помещения и церкви. Дома строились по «линии».

Пётр I уделял большое внимание экономическому развитию древней столицы. В начале XVIII века по указанию Петра I в Москве возникают многочисленные суконные, шёлковые, полотняные и другие фабрики, продукция которых в большинстве своём шла на содержание только что созданной регулярной армии.

Торжественный въезд Петра I в Москву в декабре 1709 года.

Рисовал и гравировал А. Зубов. 1711 год.

Попрежнему в Москве размещался ряд центральных правительственных учреждений государства. Москвичи того времени были свидетелями и участниками торжественных празднеств в честь победоносных действий русских войск в Великой Северной войне.

В декабре 1709 года состоялся торжественный въезд Петра I в Москву на праздник, посвящённый славной Полтавской победе. В делах Кабинета Петра Великого хранится редкая гравюра первого русского гравера Алексея Зубова, изображающая это событие.

Во время праздника на улицах Москвы были сооружены триумфальные ворота, на которых красовались картины с надписями, прославлявшими Петра I и русскую армию.

Среди дел Кабинета Петра Великого имеется собственноручное описание Петром I фейерверка в Москве, посвящённого Полтавской победе.

В 1721 году в Москве состоялся торжественный праздник в честь заключения Ништадтского мира.

Несмотря на то что в 1714 году Пётр I столицу государства перенёс в С.-Петербург, Москва ещё долгое время сохраняла своё значение политического, экономического и культурного центра страны.

Эскизы костюмов к балету «Золушка» художника П. Вильямса. Внизу (слева и справа): скульптурные детали декораций ко 2-му акту.

СКАЗКА О ЗОЛУШКЕ В БАЛЕТЕ

Фото Н. Львова

Государственный академический Большой театр показал премьеру нового балета лауреата Сталинской премии Сергея Прокофьева — «Золушка». Либретто этой прелестной сказки написано Н. Д. Волковым. Постановщик балета лауреат Сталинской премии Р. В. Захаров создал феерическое, красочное зрелище со множеством разнообразных выразительных, виртуозных танцев. Художник спектакля лауреат Сталинской премии заслуженный деятель искусств П. В. Вильямс написал великолепные декорации. Дирижирует балетом лауреат Сталинской премии народный артист РСФСР Ю. Ф. Файер. Партию Золушки исполняют лауреат Сталинской премии заслуженная артистка РСФСР Ольга Лепешинская и лауреат Сталинской премии народная артистка РСФСР Галина Уланова.

Поэзия любви

Сергей Прокофьев

Сказку о Золушке знают и любят многие народы, создавшие различные её варианты. В сборнике русских сказок Афанасьева мы находим эту сказку под названием «Маша-Чернушка». Либретто балета «Золушка» написано опытным либреттистом Н. Д. Волковым. Основные персонажи — Золушка, её отец, мачеха, две родные дочери этой мачехи, которые заставляют Золушку прислуживать им, и принц.

Автору либретто Н. Д. Волкову и мне казалась особенно важной драматическая сторона балета. Мы стремились к тому, чтобы зритель увидел артистов не только танцующими, но и чувствующими, переживающими, чтобы горести и радости действующих лиц не оставляли его равнодушным. Я стремился к тому, чтобы в танцах раскрылась поэзия любви Золушки и принца, являющаяся центром сюжета и музыкальной канвы.

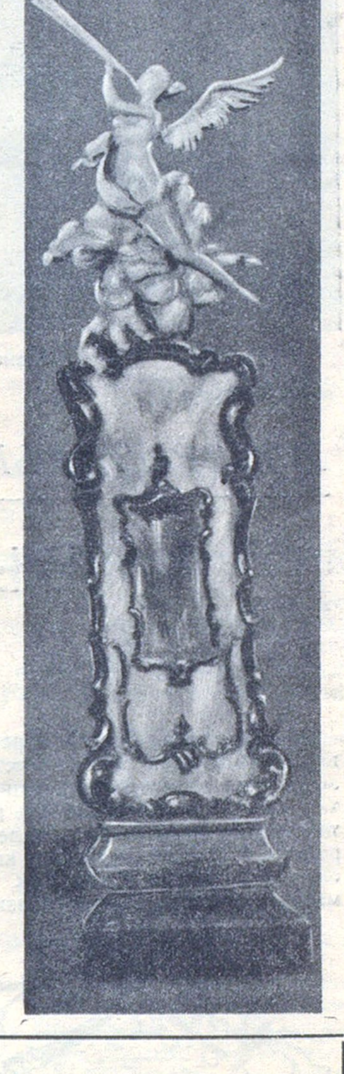
Многое в музыке определил сказочный характер сюжета. Образ таинственной феи-бабушки, появление из часов двенадцати карликов, путешествие принца

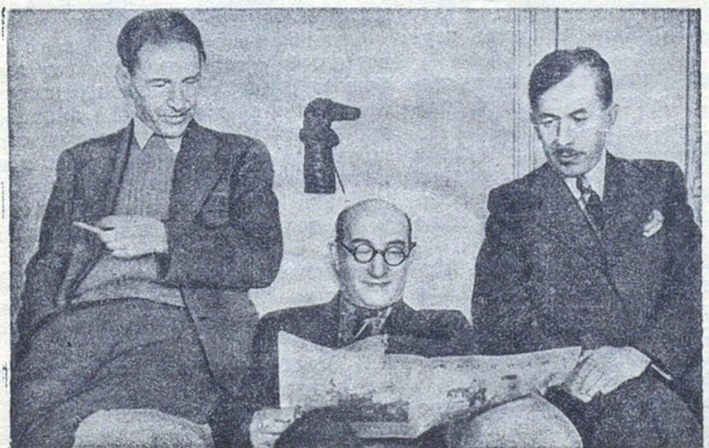

по свету, которое я задумал ввиде своеобразного галопа, ставили передо мной ряд интересных задач. Хотелось в музыке передать поэзию природы, олицетворяемую в балете феями Весны, Лета, Осени и Зимы.

Одновременно с драматической стороной балета уделял я максимальное внимание его танцовальной стороне.

«Золушка» написана в традициях старого, классического балета.

Заслуженные деятели искусств К. С. Елисеев, Л. Г. Бродаты и Ю. А. Ганф (слева направо).

Фото Б. Репина.

Мастера смеха

Советское изобразительное искусство по праву гордится многими замечательными именами, в том числе именами прославленных мастеров сатиры Л. Бродаты, Ю. Ганфа и К. Елисеева, удостоенных ныне почётного звания заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Политическая сатира, карикатура, шарж — очень трудные, но очень благодарные жанры из-за своей доходчивости и популярности. Сколько радости даёт читателю весёлая, острая карикатура, метко и точно бьющая по врагу, с тонкой иронией изобличающая недостатки нашего быта!

Произведения наших замечательных мастеров карандаша пленяют нас своею страстностью, разнообразием, интересными, оригинальными мыслями, тонким юмором, заразительным смехом. Работы советских карикатуристов умножают славу русской сатиры, история которой неразрывно связана с чудесными творениями Крылова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Маяковского, Федотова, Степанова.

Смех — острое оружие. Бродаты, Ганф и Елисеев мастерски владеют им. Их творчество бодрое и оптимистическое, всегда чуткое к голосу современности.

Д. Моор,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Сцена из 2-го акта балета «Золушка». В роли Золушки — Ольга Лепешинская, принц — артист М. Габович.

ИЗ ЗРИТЕЛЬНОГО ЗАЛА

ВЫСОКИЙ СТИЛЬ

Ю. Олеша

Фото Г. Капустянского

В «Золушке» Сергей Прокофьев показал всю свою артистичность. Музыка его в этом произведении звучит так, как будто она не явилась результатом предварительно проделанной работы, а рождается тут же, как рассказ композитора о том, как, по его мнению, должна звучать сказка.

Иногда кажется, что слушаешь не самый балет, а нежное воспоминание о балете: так всё грациозно в этой музыке, так не подчёркнуто! В этом отношении поразителен танец в испанской сцене, верно понятый и решённый балетмейстером Захаровым именно в том смысле, что танец этот нужно исполнять как бы шопотом. Испанская сцена с её чудесным танцем среди толпы кавалеров и дам, одетых, как на картине Гойя, ярко запоминается, хоть это и очень короткая сцена.

Мало того, что одобряешь музыку «Золушки»: слушая её, переживаешь к тому же чувство того особого удовлетворения, которое охватывает нас всегда, когда мы воспринимаем нечто первоклассное в какой бы то ни было сфере проявлений мастерства и таланта.

Музыка «Золушки» поистине первоклассна!

Декорации Вильямса обнаруживают ещё раз дарование этого художника.

Использование образов и красок различных художников для создания единого эффекта проведено Вильямсом с таким мастерством, что даже Давид с его классицизмом не нарушает общей композиции. А ведь Давид присутствует здесь в замысле декоратора: пустота зала и стеклянная сцена первой картины чем-то напоминают «Рекамье» и «Клятву в зале для игры в мяч».

Кстати, в сцене тревоги действие происходит на фоне как бы поворачивающегося дворца. Стены движутся, движутся лестницы и арки — и это создаёт величавый эффект.

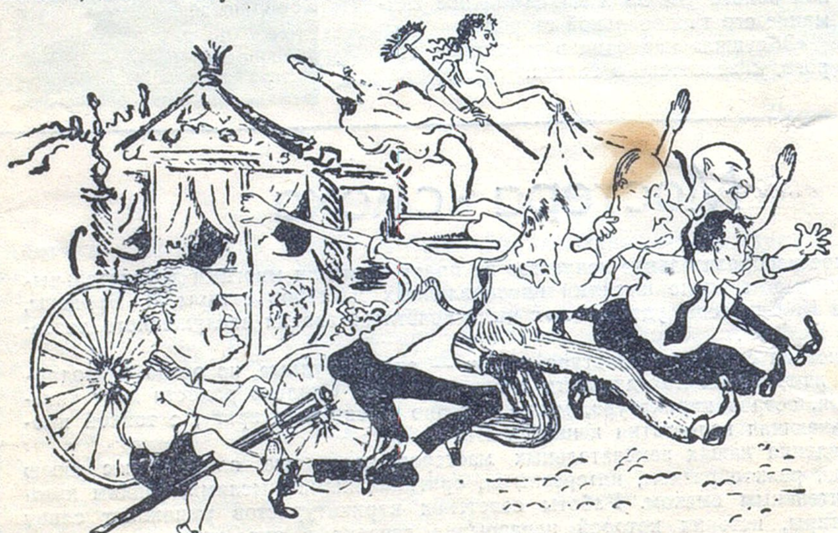
Как жаль, что монументальные декорации исчезают со сцен драматических театров! Только ещё в балете и увидишь реальные залы, здания, дороги, дали. Театрам, где играют драмы, этот приём кажется почему-то искусственным. Напрасно. Разве на фоне движущегося дворца, как это сделано у Вильямса, не может развиваться серьёзное драматическое действие? Оно потрясало бы.

Лучше всего удался Вильямсу выход из дворца в сад. Этот сад, в котором сгущаются сумерки, таинственен, как пейзажи Пуссэна, опять таки в стиле всей декоративной задачи. И может быть, удача декоратора, как это бывает в коллективном труде над театральной постановкой, подсказала и балетмейстеру необыкновенно поэтическое решение сцены, в которой ожидают прибытия Золушки. Одна за другой из таинственного сада вбегают танцовщицы в белых пачках, причём белые фигурки появляются не слишком скоро одна за другой, а с лёгкими и неравномерными промежутками, как дует ветер или облетают лепестки, и, таким образом рождается картина летнего вечера.

Содержание «Золушки» всем известно. Фея подарила Золушке серебряные туфельки, один из которых Золушка теряет во дворце принца, и принц потом ищет по всему свету ножку, на которую единственно и может надеть потерянную туфельку.

Принц в трактовке авторов спектакля попадает и в Испанию, и в Марокко, и на тропический остров. К сожалению, принц ищет ножку Золушки слишком однообразно, ограничиваясь пробегом по сцене из одной кулисы в другую.

В балете мало юмора, и как раз эти поиски могли бы дать повод для комических сцен. Они были бы превосходны, если учесть, насколько бо-

Этот дружеский шарж артиста балета А. Радунского был напечатан на страницах многотиражки ГАБТ. Колесницу, которой управляет Золушка, мчат создатели балета — постановщик Р. Захаров, дирижёр Ю. Файер, композитор С. Прокофьев и художник П. Вильямс. Рядом скачет автор либретто Н. Волков.

гатым средством именно для острых и гротескных решений оказывается всегда формальная сторона творчества Прокофьева. (Кстати, композитор с лукавым остроумием вставил в «Золушку» свой прославленный марш из «Любви к трём апельсинам», разумеется, в несколько превращённом виде.)

Сказка о Золушке — это сказка о вознаграждённой скромности. Лепешинская, которую мы видели в роли Золушки, играет именно эту тему. Замечателен в последней сцене её монолог. Это не оговорка! Эту серию хореографических движений, которые проделывает Лепешинская в начале последней сцены — со шваброй в руках, — по всей вероятности, следует назвать танцем соло.

Но хочется назвать этот танец монологом, ибо он прост и выразителен, как человеческая речь. Лепешинская танцует в эти мгновенья, но кажется, что она говорит что-то серьёзное и печальное. Есть необыкновенно впечатляющий пробег Лепешинской вдоль неподвижной шеренги танцоров, и этот пробег намекает на то, что у балета есть возможность быть также и эпическим.

Мы уже говорили о первоклассности музыки Прокофьева. Так и от всего спектакля в целом исходит блеск высокого стиля.

Вкус, мастерство и вдохновение излучают этот блеск, и когда любуешься им, то понимаешь, что эпитет «мировое» по отношению к искусству вернее всего может быть приложен к искусству советскому.

Галина Уланова в роли Золушки

Эскизы костюмов к балету «Золушка».

«ЗРИТЕЛЬНАЯ МУЗЫКА»

Гоголь в своих «Петербургских записках» 1836 года называл балетмейстеров «композиторами балета». И действительно, балетмейстеры как бы создают зрительную музыку. Но если танцы сочиняются балетмейстером, то исполняются они артистами — солистами и кордебалетом. Танцовать музыку — наша первая задача в работе над балетом «Золушка», а потому артист должен быть наполнен существом исполняемой музыки, выражая её содержание в своих танцах и жестах. В этом балете около 50 разнообразных классических, характерных, бальных, гротескных и других танцев. «Золушка» — это балет-феерия с массой волшебных перемен и превращений. Я стремился к тому, чтобы танцы в балете «Золушка» были музыкальны, предельно выразительны, виртуозны.

Ростислав Захаров

НЕИСТОЩИМЫЙ РОДНИК

Сказка о Золушке была моей любимой сказкой с детства. Мне нравилась эта добрая, весёлая, безобидная девушка. Когда мне предложили роль Золушки, я с увлечением принялась за работу.

Для меня Золушка — это совокупность всего хорошего, что есть в человеке.

Танцы я старалась соединить с образом, чтобы они были не самоцелью, а вытекали из образа Золушки и всего спектакля.

Я очень люблю музыку Сергея Прокофьева несмотря на её сложность для балетного искусства. Музыка Прокофьева — неистощимый родник. Чем больше её слышишь, тем больше познаёшь её глубину и богатую нюансировку.

Галина Уланова

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Для меня самое важное в этом балете было правильное ощущение, «чувствование» музыки этого спектакля.

Прокофьев дал Золушке чудесную тему любви, широкую, лиричную, глубокую; наряду с грустной задумчивостью он наградил её чёрточками светлого юмора.

Золушке свойственны детская улыбка и радость; она живёт, дышит, эта девочка-подросток, и жизненна и глубока её проснувшаяся первая любовь.

Мне хотелось бы очень, чтобы у сидящих в зале ожил тот тёплый, ласковый, полный любви и светлой лирики образ девочки-замарашки, который с детства хранится в дальнем уголке души каждого.

Ольга Лепешинская

ВЕЛИКОЛЕПИЕ

Меня поразило великолепие спектакля «Золушка». Исполнительница партии Золушки Галина Уланова создала замечательный танцовальный образ. Мне очень нравится музыка Сергея Прокофьева, а также её мастерское исполнение оркестром Большого театра. Русскому балету великолепно удаются массовые сцены, причём я должен сказать, что никогда не видел в балетных спектаклях так много и так хорошо танцующих артистов кордебалета.

Иегуди Менухин

Эскизы костюмов к балету «Золушка».

КИСЕЙНАЯ БАРЫШНЯ

Г. Рыклин

Рисунок И. Семёнова

— Оказывается, вы уже кое-что слыхали об этом. Гм... Странно... Даю свои усы об заклад, что вам приврали малость. Ну, так уж быть, я сам всё расскажу, ничего не утаивая.

Мы знали, что Перехватов — большой мастер рассказывать всякие истории, и потому придвинулись ближе к нему, и, как говорится, раскрыли рты и развесили уши.

Перехватов начал:

— Чего я больше всего не люблю, — это врать и плести чепуху...

При этих словах я почувствовал, как дорого стоит моим товарищам удержаться от улыбки. Я же с уважением взглянул на капитана и подумал: «Как часто ему, бедняге, приходится делать то, чего он больше всего не любит...»

Он продолжал:

— А поэтому не буду ни на шаг отступать от истины. Тем более что есть, слава, те, господи, живые свидетели, которые мне солгать не дадут, если бы я даже почему-то вдруг захотел стать на этот скользкий путь.

Дело было в июне месяце сего года. Получил я путёвку в санаторий. Врачи что-то нашли у меня. Что именно, до сих пор не знаю, потому что сия находка имеет только латинское название.

А уже в санатории я получил письмо, что врачи эту самую латынь нашли не у меня, а у моего дальнего однофамильца — майора Перехватова. И вот черти, простите за выражение, болезнь майора приписали мне. Когда я узнал об этом, мне даже неловко стало. «Не по чину берёшь», — упрекнул я себя в порядке здоровой самокритики.

Так вот, приехал я в санаторий. Приехал, понюхал и сразу понял: сплошной мёртвый час.

Конечно, кругом, как полагается в санаториях повышенного типа, дивная природа, чудесные виды, птички, аллеи, громкоговорители и даже фонтан.

Что касается фонтана, то его, видимо, пустили в действие давненько, ещё при феодализме. Какой-то помещик-самодур отвинтил и забыл завинтить, вот он и до сих пор круглые сутки без передышки пускает струю в небо.

А этим летом какой-то другой головотяп дал ход всем кранам небесного фонтана. Дождь по силе возможности шёл и днём, и ночью, и даже на рассвете. Так что воды кругом хоть пруд пруди. Вдобавок ко всему этому мне ещё прописали душ и ванны, чтоб смыть с меня ту самую латынь, которой болел не я, а майор Перехватов.

Начал я изучать обстановку и убедился, что попал в окружение уважаемых людей выше среднего возраста. На десять километров кругом ни одной кокетливой улыбки, ни малейшего блеска пленительных очей. Главное же, не с кем серьёзно побеседовать.

А у меня как раз к этому времени накопилось с десяток новых смешных историй.

«Всё моё ношу с собой», — хвастал один философ. Но я не таков: ежели и знаю что-нибудь интересное, я не могу носить с собой, а должен поделиться со знакомыми.

Человек, как вы знаете, я общительный. А тут приходилось молчать и скучать. Единственное культурное развлечение — это два раза в день измерять себе температуру. Весьма, доложу я вам, занятно: утром — 36,6, вечером — опять 36,6. Но вскоре, убедившись, что я не расту на этой работе и что нет у меня никаких шансов на повышение в должности, я оставил в покое термометр.

Тут я дал волю своей отдохнувшей фантазии.

Брожу я этак по санаторию и чувствую, что от скуки и безделья начинаю жиреть и что моя фигура постепенно теряет свои привлекательные очертания.

Однажды, это было в антракте между двумя дождями, иду я по одной из аллей парка.

Вот тут, друзья, внимание! Приближаемся к сюжету. Прошу абсолютной тишины! Иду я, значит, по парку и, как сейчас помню, ни о чём не думаю. И вдруг...

Вы, конечно, все знаете, как в своё время было проведено мероприятие по открытию Америки. Матросы Колумба, завидев издали материк, все разом, по команде, радостно воскликнули: «Земля!» Вот и мной в тот момент в парке овладело такое же настроение. Я открыл Америку! Но я не кричал «Земля!», потому что должен был кричать о небе.

Да, мои уважаемые слушатели, я увидел глаза синие, как ясное небо. Но поскольку аналогичные глаза уже до меня многажды описаны как в прозе, так и в стихах, то и повторяться не буду и отсылаю вас к первоисточникам.

Короче говоря, я увидел перед собой на скамейке с книжкой в руках молоденькую, довольно худенькую девушку. Этакую кисейную барышню в платьице с васильками. Рыжие кудряшки, наивные синие глаза, слегка подёрнутые грустью.

Ну, совсем не похожа она на тех бодрых, мужественных девушек, которых показывают в кино. С этой точки зрения кисейная барышня была явно выраженным отрицательным типом. Может быть, даже продуктом интеллигентской среды.

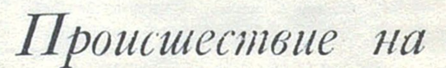
Но, каюсь, мне она понравилась с первого взгляда. Я тут же решил: «Поскольку я сам положительный тип, то я займусь её воспитанием и подыму её до себя, то есть на более высокую ступень».

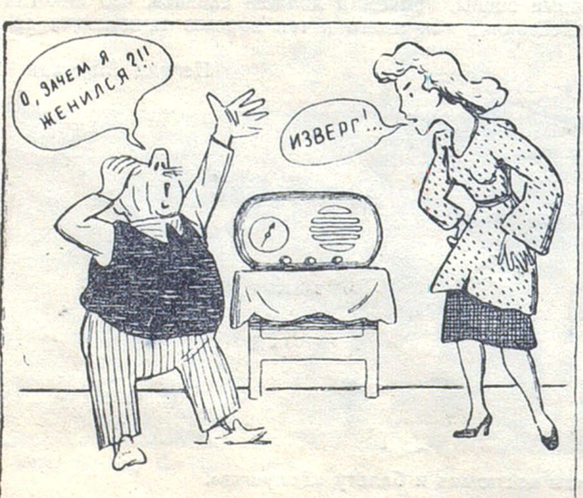
Как вам известно, я не бюрократ, не волокитчик и не люблю откладывать дело в долгий ящик. Через десять, самое большее через двенадцать минут я уже познакомился с девушкой.

А через пятнадцать, самое большее через шестнадцать минут она уже обращала на меня столько внимания, сколько телеграмма на телеграфный столб.

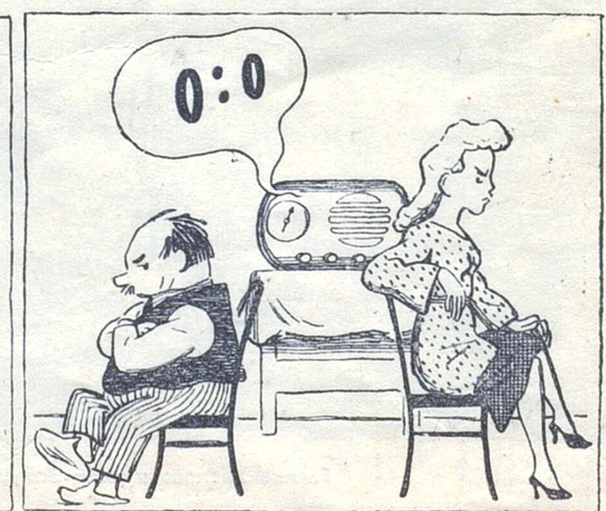
Словом, перед холодностью и равнодушием кисейной барышни иссяк весь фонтан моего красноречия. Она, не замечая меня, углубилась в книжку.

Сами понимаете, что я в конце концов сделал: ушёл. Однако не таков Перехватов, чтобы вешать нос на квинту. Я решил действовать. Точная и тщательная разведка — залог успеха всякой серьёзной операции.

В канцелярии санатория я от глухого и малоразговорчивого делопроизводителя мог только выудить следующие анкетные данные. Она дочь подполковника медицинской службы и домашней хозяйки. Зовут её Варя Семёновна Литовцева. Пол женский. Засим я направил свои стопы в библиотеку. Надо изучить вкусы и помыслы моего объекта. Чем она интересуется? Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты.

Старушка-библиотекарша оказалась наредкость разговорчивым товарищем. Я произвёл на неё сильное впечатление. Тем более что, вступив под своды библиотеки, я прямо с ходу завёл тонкий разговор о толстых журналах.

Вскоре я незаметно перевёл беседу на тему об абонентах библиотеки и их культурных запросах.

Моя собеседница поведала мне немало интересного. Так, например, одна разноцветная дамочка категорически отказывалась брать классиков.

— Я всё время культурно расту, — говорила она, — а классики застыли на одном месте.

А другая, такая же, долго и тщательно выбирала себе книгу. И в конце концов остановилась на справочнике по коневодству, потому что справочник был в сиреневом переплёте, что очень гармонировало с её платьем.

Я внимательно слушал библиотекаршу и в соответствующих местах смеялся. Но, сами понимаете, меня интересовало другое. Что читает та? Какие произведения завлекают Варю? Очень осторожно и будто равнодушно я коснулся этой деликатной темы. Оказалось, что кисейная барышня налегает главным образом на стихи.

Отсюда я сделал вывод, что к ней надо подъехать на поэтическом «виллисе», зацепить томным взглядом, стукнуть луной, ошеломить звёздами, пронзить вздохами.

Всё это я пустил в ход. Я ничего для неё не жалел: ни задумчивых взглядов, ни тщательно отшлифованных фраз о ясном месяце, горячих звёздах и тому подобном.

Не помогло: она оставалась холодной, как полторы дюжины снежных королев, как тридцать три порции «эскимо».

И тогда решился я на крайнее средство. Понимаете, я перестал владеть собой. Я больше не отвечал за свои действия. Я был невменяем. Дайте, пожалуйста, закурить. Скорее! Очень волнуюсь при одном воспоминании. И будь я не начфин, а ямщиком, я бы тут спел тенором: «Налейте, налейте, налейте вина, рассказывать больше нет мочи...»

Ну, вот... Итак, будучи в состоянии сильного аффекта, я решил... врать.

Вы знаете, что по должности начфина я ни в каких подвигах не мог быть замешан. Но на мне форма капитана лётной гвардейской части.

И вот как-то при встрече с кисейной барышней я невзначай завёл разговор о том, что сегодня, мол, нелётная погода, но мне однажды пришлось в такую погоду подняться в воздух и сбить целую кучу вражеских самолётов — не то пять, не то семь штук: из-за плохой видимости нельзя было сосчитать.

Все тридцать три порции «эскимо» начали таять на моих глазах. Она оживилась, взглянула на меня приветливо и сказала:

— Это очень интересно! Расскажите подробно.

Тут я дал волю своей отдохнувшей фантазии. Я плёл такую несусветную чепуху, что сам всё время поражался и ужасался, хотя давно должен был бы привыкнуть к своим художественным вымыслам.

У неё глаза всё более разгорались от любопытства, и, когда я останавливался, чтоб перевести дыхание, она застенчиво говорила:

— Рассказывайте, рассказывайте. Это так интересно!..

Мы встречались теперь очень часто. Ах, как я ей мстил за прежний холод! Я издевался над ней. Ибо только издевательством можно посчитать те небылицы о своих необычайных подвигах в воздухе, которыми я угощал её.

А она, святая простота, слушала, одобрительно кивала кудряшками и, краснея, твердила:

— Как это всё интересно! Рассказывайте, рассказывайте...

Так незаметно прошли две недели. Однажды после обеда иду я к себе в палатку, а няня мне говорит:

— А ваша рыженькая сейчас уезжает. Уже машина у подъезда.

Я кинулся к подъезду. Действительно, стоит машина. А у машины она. Кисейная...

У меня ноги чуть не подкосились. Я собрал последние силы и бросился назад.

У машины я увидел девушку в форме старшего лейтенанта авиации с двумя орденами на гимнастёрке. И это была она — Варя.

Значит, старший лейтенант Литовцева в течение двух недель заставляла меня, Перехватова, плести чепуху. Представьте себе, как она всё это время смеялась надо мной! Да, друзья, всё это похоже на юмористический рассказ.

Вот и всё. Она уехала. Мы даже не попрощались. Ну, хватит. Мне пора. Заболтался я с вами. Надо домой. Ох, и попадёт мне от жены!..

— Как?! — воскликнули мы все разом. — Вы женаты?

— Уже целый месяц.

— А кто ваша жена?

— Как это — кто? Наивный вопрос. Моя жена — старший лейтенант Варя Литовцева. Мы потом встретились в городе. Оказывается, я ей понравился ещё в санатории. За неуёмную фантазию и сильное воображение.

Из записной книжки Марка Твена

Никогда не отказывайтесь сделать доброе дело, если этот акт не причинит вам великого вреда, и никогда не отказывайтесь от выпивки — ни при каких обстоятельствах.

* * *

Макс Орелл — трудолюбивый торговец литературным старым бельём. Благодарен, что пользуется уважением и т. д. Совершенно безвреден. Он вошёл в литературу, как слепой мул падает в колодец.

* * *

Хорошее воспитание состоит в скрывании того, как много мы думаем о себе и как мало — о других.

* * *

Жук-навозник должен быть символом критика: он кладёт свои яички в чей-нибудь чужой навоз, иначе он не может высидеть его.

* * *

Лучше заслужить почёт и не иметь его, нежели иметь его не заслужив.

* * *

Нет более печального зрелища, чем молодой пессимист, за исключением разве только старого оптимиста.

* * *

Каждый человек — луна и имеет свою тёмную сторону, которую никогда никому не показывает.

* * *

Фамильярность порождает презрение. Как это правильно! Причина, почему мы так уважаем правду, заключается в том, что у нас очень мало возможностей быть фамильярными с ней.

* * *

Кто-то сказал: «Остроумие — это неожиданное соединение мыслей, которые до этого, казалось, даже и не находятся в какой-нибудь связи».

* * *

Институт монархии в любой форме есть оскорбление человеческой расы.

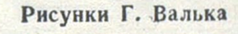
* * *

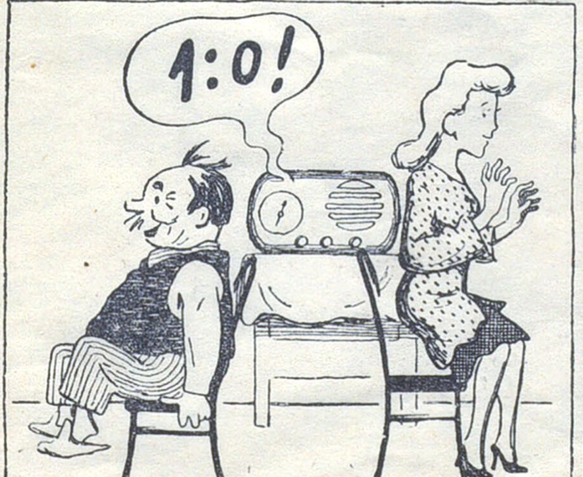
Хорошо рано вставать старикам: за свою жизнь они натворили столько плохих дел, что всё равно не могут спать.

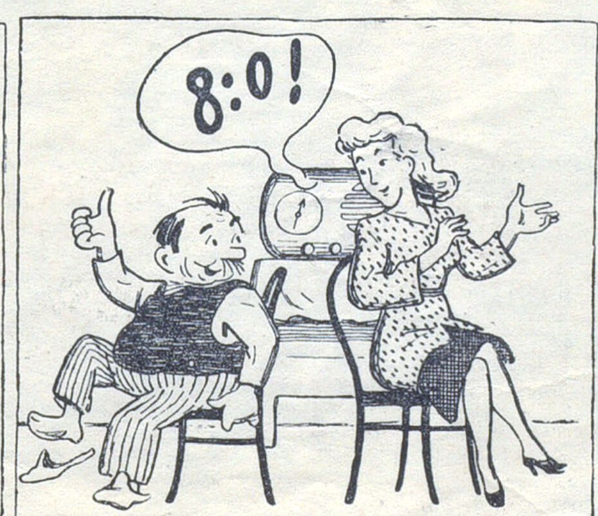
* * *

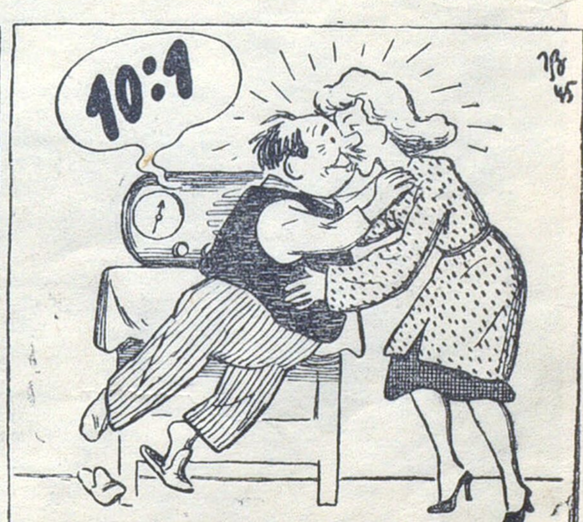
Человек никогда не достигнет той головокружительной высоты мудрости, когда его больше не смогут водить за нос.

семейном стадионе

Рисунки Г. Валька

Н. КОРОЛЕВ — АБСОЛЮТНЫЙ ЧЕМПИОН СССР ПО БОКСУ

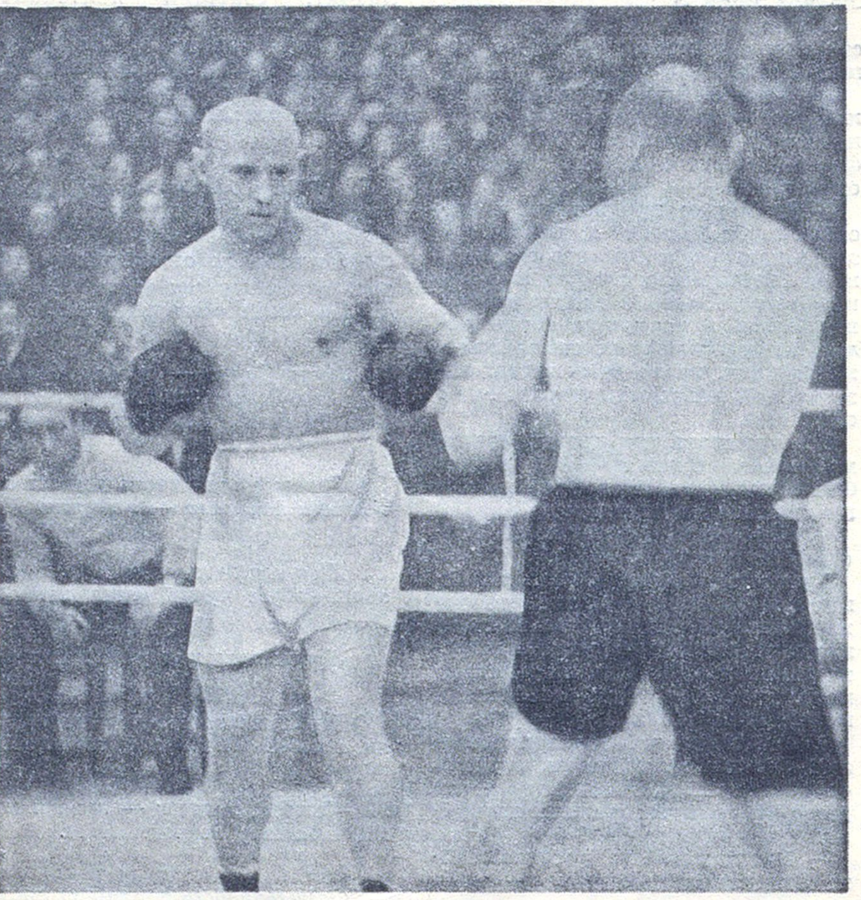
Фото Ю. Леонгардта

Девять лет назад в Московском государственном цирке впервые было разыграно звание абсолютного чемпиона страны по боксу. В тот вечер цирк был полон. Много тысяч любителей бокса тщетно топтались на Цветном бульваре в надежде перекупить билет. Право называться абсолютным чемпионом по боксу оспаривали тогда Виктор Михайлов и Николай Королёв — два сильнейших боксёра страны, имена которых были не только известны, но и популярны среди широких слоёв любителей спорта. Этим матчем было положено начало традиционных ежегодных соревнований на звание абсолютного чемпиона СССР.

Война прервала традиционные соревнования по боксу. Николай Королёв ушёл в партизанский отряд, другие боксёры ушли в армию. В первые годы войны звание абсолютного чемпиона не разыгрывалось. Только в 1943 году эти соревнования были возобновлены. К этому времени некоторые боксёры вернулись с фронта. В частности вернулся раненый Николай Королёв. Рана, однако, не помешала боксу. Королёв начал систематически тренироваться и в прошлом году выступил в соревновании на звание абсолютного чемпиона страны по боксу. Он вновь одержал победу. Нынешний, первый послевоенный спортивный сезон дал возможность боксёрам более нормально подготовиться к соревнованию.

Лучшие боксёры, вышедшие в полуфинал, начали тренировку за несколько месяцев до матча. Они ежедневно совершали пробег в десять километров по пересечённой местности, тренируя в себе силу и выносливость; тренировались со штангой, занимались гимнастикой. Технику боя они совершенствовали в схватках со своими тренерами. Так, Н. Королёв дрался с Я. Брауном, А. Навасардов — с А. Гольдштейном, Л. Гудушаури — с А. Тимошиным и М. Линнамяги — с Максовым.

Встреча была назначена на 24 ноября.

Встреча на первенство Союза по боксу. На ринге слева — Н. Королёв, абсолютный чемпион СССР по боксу. Внизу — общий вид ринга.

Гонг призывает к матчу. После первого раунда, в котором боксёры «нащупывали» друг друга, искали возможность атаки, Мартин Линнамяги повёл сильное нападение. Но Андро Навасардов удачно маневрирует, и удары Линнамяги часто приходятся мимо. Тбилисец выматывает своего противника, а подконец переходит в атаку, показывает высший класс боя, и судьи присуждают ему победу.

Первый полуфинал закончился. Финалистом оказался Андро Навасардов.

На ринге вторая пара: Николай Королёв (Москва) и Леон Гудушаури (Тбилиси).

Сравнительно легко Н. Королёв вышел победителем из этого соревнования. Таким образом в финал вышли А. Навасардов и Н. Королёв.

Их встреча на звание абсолютного чемпиона СССР по боксу состоялась 8 декабря.

Вновь здание Московского цирка бралось штурмом. Количество желающих посмотреть «большой бокс» далеко превзошло число мест в цирке.

Зазвучал гонг. На ринг вышли Андро Навасардов и Николай Королёв — два известных, опытных боксёра страны. Первый из них имеет на своём счету 71 бой, из коих 61 выиграл. Н. Королёв имеет 105 боёв, из них 90 побед.

В этой встрече Николай Королёв вновь блеснул прекрасной техникой боя. Он показал хороший удар, стойкость, силу и разнообразие. Уже с первого раунда преимущество Н. Королёва было заметным. В четвёртом раунде он добился полного превосходства, которое удержал до конца. В итоге: Николай Королёв оказался победителем и завоевал звание абсолютного чемпиона страны по боксу на 1945 год.

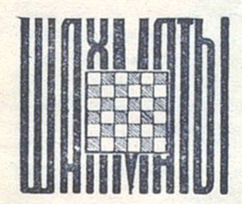
Главный судья соревнований генерал-лейтенант Биязи вручил заслуженному мастеру спорта Н. Королёву майку абсолютного чемпиона и приз.

В. Мартынов

На Всесоюзном женском шахматном турнире.

Фото С. Шингарёва

Под редакцией мастера

Н. Зубарёва

ПАРТИЯ
играна на Всесоюзном женском шахматном турнире
ФРАНЦУЗСКАЯ

Чудова (Москва)	**Вольперт** (Ленинград)
1. e2 — e4	e7 — e6
2. d2 — d4	d7 — d5
3. Kb1 — c3	Cf8 — b4
4. e4 — e5	c7 — c5
5. a2 — a3	Cb4 c3+
6. b2 : c3	Kg8 — e7
7. Kg1 — f3	Фd8 — a5

Наиболее простое и, пожалуй сильнейшее продолжение за чёрных. Другие возможные здесь ходы: 7. ... Kc6 или 7. ... Cd7

8. Cc1 - d2	c5 — c4
9. Cf1 — e2	. . .

Обычно здесь играют 9. a4, не давая чёрным овладеть пунктом a4 и не считаясь с возможным проигрышем белой пешки a. Так, между прочим, развивалась известная партия Смыслов — Ботвинник, игранная в XIII первенстве СССР. Ход, избранный белыми в данной партии, выглядит несколько пассивным.

9. . . .	0 — 0

Заслуживало внимания 9. ... Фa4

10. 0 — 0	Kb8 — d7
11. Фd1 — b1	. . .

Последующие маневры белого ферзя являются противоестественными так как в этом варианте французской партии шансы белых заключаются в подготовке атаки на королевском фланге.

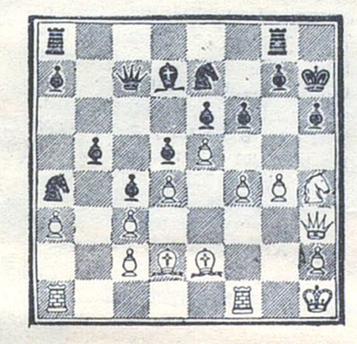
11. . . .	Ke7 — c6
12. Фb1 — b2	Kd7 — b6
13. Kpg1 — h1	Kb6 — a4

Этот удар не имеет никакой силы, так как пешку c3 всё равно выиграть нельзя. Чёрные слишком беспечно удаляют свои фигуры от королевского фланга, где рано или поздно предстоит атака противника.

14. Фb2 — c1	a7 — a6
15. Kf3 — g5	Kc6 — e7
16. f2 — f4	. . .

Белые находят, наконец, правильный план игры:

16. . . .	h7 — h6
17. Kg5 — f3	b7 — b5
18. Kf3 — h4!	Фd8 — c7
19. Фc1 — e1	Kpg8 — h7
20. g2 — g4	Лf8 — g8
21. Фe1 — g3	f7 — f6
22. Фg3 — h3	Cc8 — d7?

После этой ошибки чёрные быстро погибают. Следовало играть 22. . . . f5, чтобы предотвратить вскрытие опасной диагонали c1—h6. Теперь чёрные не могут удовлетворительно защитить пункт h6.

23. e5 : f6	g7 f6
24. f4 — f5!	h6 — h5
25. Kh4—g6!	Чёрные сдались.

Заключительную часть партии Чудова провела очень энергично.

ТУРНИР ДВАДЦАТИ ШЕСТИ

Со всех концов Советского Союза съехались в Москву шахматистки — участницы Всесоюзного женского шахматного турнира.

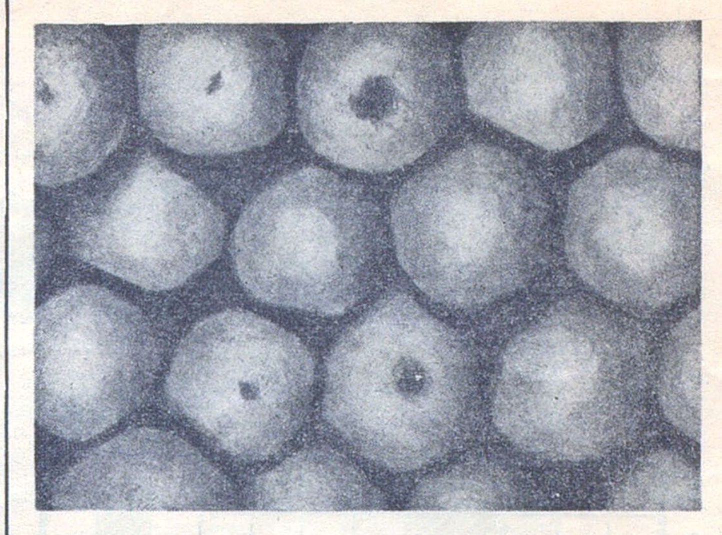
Многие города прислали на турнир своих лучших представительниц. Из Ленинграда приехали: чемпион Советского Союза 1934 и 1936 годов Ольга Семёнова, победительница первенства Ленинграда 1945 года студентка Валентина Белова, химик Галина Вязьмитинова, из Тбилиси — опытная шахматистка Варвара Заргарьян, из Ташкента — Людмила Дмитрук, из Свердловска — директор шахматного клуба Александра Дайбо, плановик Тема Филановская и инструктор физкультуры Зинаида Горина, из Ростова на Дону — экономист Вера Тихомирова и студентка Евгения Биглова. Участвуют в турнире также представительницы Баку, Киева, Омска, Уфы и Челябинска.

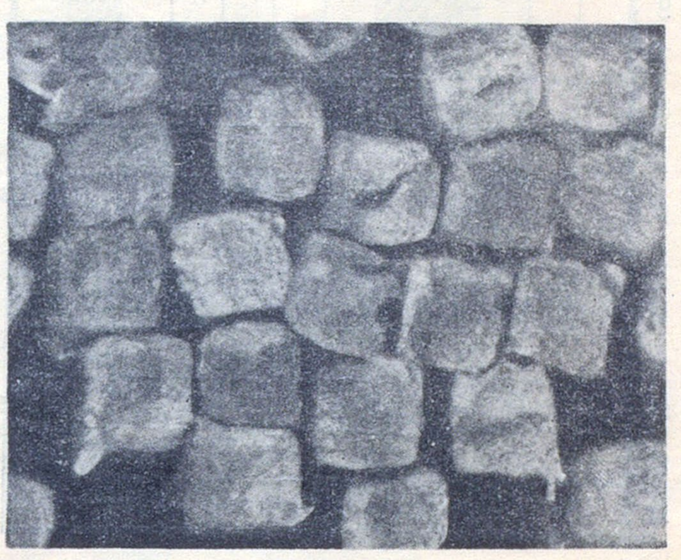
Москву на турнире представляет шахматный чемпион СССР, победительница последнего Всесоюзного женского чемпионата 1937 года, инженер-металлург Ольга Рубцова. Кроме Рубцовой от Москвы играют: Елизавета Быкова, молодая сильная шахматистка, выигравшая в этом году первенство города, старший инженер Госплана СССР Вера Чудова, научный работник Нина Блукет, начальник цеха одного из московских заводов Берта Крезберг и другие московские шахматистки.

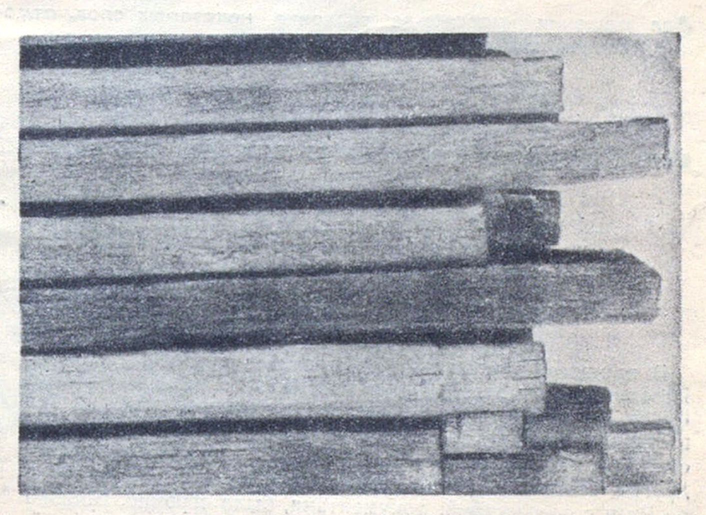
Большой интерес представляет участие в турнире чемпиона Латвии Мильды Лауберт — шахматистки международного класса. На международном женском турнире в 1937 году в Стокгольме она заняла третье место, оказавшись позади лишь мировой шахматистки Веры Менчик и итальянки Бенини. В Буэнос-Айресе в 1939 году Мильда Лауберт оказалась на шестом месте, закончив вничью свою партию с Менчик. Предстоящие встречи с Лауберт — серьёзное испытание для наших шахматисток.

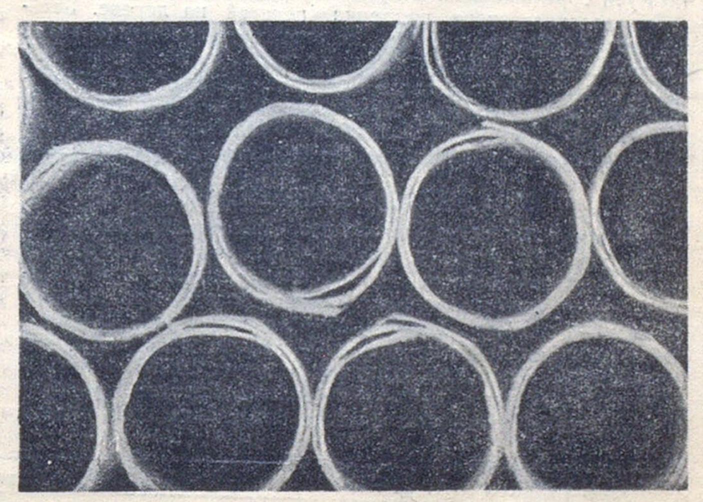
Участницы турнира разбиты на две группы — по 13 человек в каждой. Пять победительниц каждой группы составят финальный турнир, на котором и определится лучшая шахматистка страны. Ей будет присвоено звание шахматного чемпиона СССР на 1945 год.

Что изображено на этих снимках?

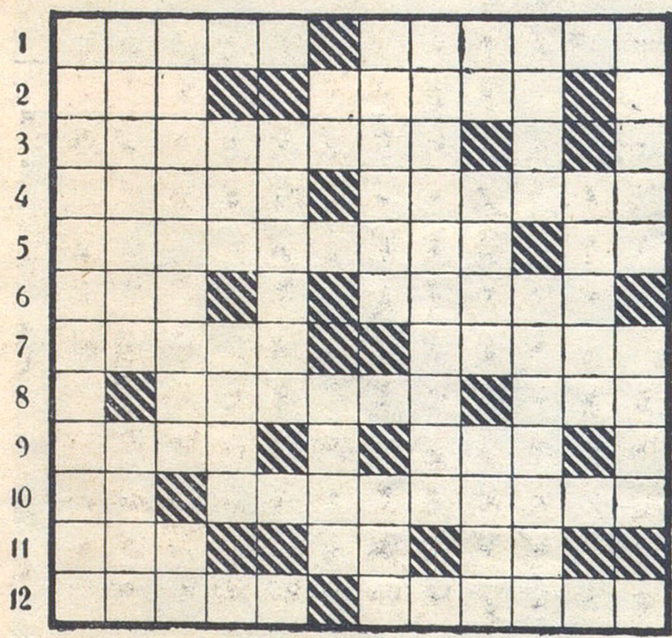

(Смотрите следующую страницу.)

КРОССВОРД

Для решения кроссворда значение некоторых слов, отмеченных знаком «???...», надо искать на прилагаемой иллюстрации.

По горизонтали:

1. ???...; побуждение. 2. Местоимение; ???... 3. Сторонник народовластия. 4. Столица европейского государства; огнедышащая гора. 5. Служебное письмо; древнеегипетское божество. 6. Агрикультура; начальный стих церковного канона. 7. Сшитые и переплетённые листы бумаги; кушанье. 8. Один из болгарских приспешников Гитлера; нижняя часть какого-либо сосуда. 9. Неприятель; древнеперсидский царь. 10. Предлог; русский детский писатель. 11. Женское имя; отрицание; преисподняя. 12. ???...; порт в Африке.

По вертикали:

1. Воинское звание. 2. Французский публицист начала XIX века; нарушение кожного покрова, мышечной ткани. 3. Кокетка; первая буква древнеславянского алфавита. 4. Восклицание; морская птица. 5. Дерево. 6. Мера земли; наклонение судна по продольной линии. 7. Деревянные затворы к окнам; отрицание. 8. Разрисовка тела неизгладимыми знаками или рисунками. 9. Река в СССР; персонаж из романа Тургенева «Дворянское гнездо»; государство в Азии. 10. Мужское имя; знаменитый трагик-негр XIX века. 11. Мужское имя. 12. Вьющееся ползучее растение; ???...

Перед вами разгадка...

(См. страницу 31)

Всё обстоит очень просто! Это только шутка нашего фотографа. На снимках, которые вы видели, не груши и не картофель, не сахар и не брёвна, не проволочные кольца и не трубы для газопровода Саратов — Москва.

Перед вами разгадка. Это обыкновенные спички и папиросы: спичечные головки и концы спичек, спичечная соломка, папиросные мундштуки.

Ответы на кроссворд, помещённый в № 48 — 49 «Огонька»

По вертикали:

1. Пирог. 2. Галоп. 3. Лак. 4. Нос. 5. Равель. 6. Беда. 8. Мила. 9. Саваку. 11. Еда. 13. Низ. 15. Злато. 17. Инари. 19. Татарский. 20. Куб. 21. Сальвадор. 22. Бурелом. 24. Кок. 25. Лот. 27. Таранто. 28. По. 31. Но. 33. Зев. 35. Ара. 38. Он. 39. Атака. 41. Код. 42. Кох. 43. Аахен. 44. Да. 46. Атаман. 48. Маг. 49. Вулкан. 54. Лир. 55. Ирак. 57. Атом. 58. Бак. 60. Остов. 61. Рокот. 64. Кир. 66. Сос.

По горизонтали:

3. Ливан. 6. Бар. 7. Лом. 10. Алеко. 12. Осина. 14. Взвод. 16. Ливия. 18. Легат. 21. Сазан. 22. Бал. 23. Акула. 26. Кат. 28. Путь. 29. Тобол. 30. Уран. 32. Коро. 33. Злак. 34. Тьма. 36. Ирод. 37. Зола. 40. Воск. 42. Кама. 43. Анды. 45. Нота. 47. Комод. 49. Вата. 50. Мат. 51. Идахо. 52. Ухо. 53. Калий. 56. Рабле. 59. Памир. 62. Такна. 63. Аракс. 65. Осока. 67. Кит. 68. Ком. 69. Родос.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

ЛИПОВЫЙ

В прошлом на документах ставились сургучные печати. Резали их на твёрдом камне или металле. На Руси печати имели не только учреждения, но и частные лица; письма в старину запечатывались сургучом. В XVIII веке правительство уже запрещало принимать в холопы без отпускных от других господ. Поэтому количество людей, скитавшихся по Руси с фальшивыми документами, было огромно. Широко была распространена подделка печатей на дереве. Берёза при резке раскалывается, некоторые поддающиеся резке сорта дерева слишком твёрды или волокнисты. Печати для фальшивых, или, как тогда называли, «нарядных», отпускных документов поэтому обычно резали из липы, имеющей достаточно мягкую и не раскалывающуюся древесину. Отсюда и до наших дней «липовый»— поддельный, ненастоящий

ЕГО ЗВЕЗДА ЗАКАТИЛАСЬ

Звёздам в старину придавали особое значение. Наши предки верили, что от звёзд зависит судьба человека. Римский писатель Плиний писал, что по блеску звезды можно судить о человеческом жребии: яркие соответствуют богачам, мелкие — беднякам, тусклые — больным. Астрология — предсказание судьбы по звёздам,— зародившись в глубокой древности, просуществовала как «наука» до XVII века и оставила до сих пор следы в суевериях. Древние верования отразились на преданиях и языке священных книг иудеев, христиан и магометан и благодаря им, а также астрологии— и на современной обыденной речи. Мы говорим: «Его звезда взошла» или «закатилась»— о начале или конце успехов какого-нибудь человека. Неудачник—«родился под несчастливой звездой». Выдающийся человек — «звезда первой величины». Замечательных людей мы иногда называем «звёздами». К древнейшим верованиям человечества восходит и наименование крупнейших артистов экрана — «кинозвёзды».

МЕЦЕНАТ

Близкий друг и приближённый римского императора Августа Октавиана, Кай Цильний Меценат, умерший в 8 году до начала нашей эры, обладал большими знаниями и сам был не чужд литературе. Богатый и влиятельный, он щедро покровительствовал поэтам. Другу своему поэту Горацию он подарил обширное поместье. Виргилий при посредстве Мецената получил обратно отцовское имение. У Кая Мецената бывали Варий Руф, Проперций и другие поэты, на которых он оказывал значительное влияние. Например он побудил Виргилия к созданию «Энеиды». В оде, посвящённой Меценату, Гораций писал:

«Если ж ты сопричтёшь к лирным певцам меня,—
Я до звёзд вознесу гордую голову».

Имя Мецената, воспетого таким поэтом, как Гораций, осталось в веках как нарицательное имя щедрого покровителя искусств.

И. Уразов

Отв. редактор—А. СУРКОВ. **Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24.** **ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».**

А 25229. 5½ печ. л. Подписано к печати 22/XII—45 г. Изд. № 858. Тираж 150.000. Заказ 2526.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 21.

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР

СТОЛОВЫЙ
МАРГАРИН
для
БУТЕРБРОДОВ, КРЕМОВ,
ПИРОЖНЫХ и т. п.

МАЙОНЕЗ-СОУС
служит подливкой
К ХОЛОДНЫМ БЛЮДАМ
МЯСНЫМ, РЫБНЫМ
И ВИНЕГРЕТАМ

МАРГАГУСЕЛИН
и
КОМБИЖИР
(КУХОННЫЕ ЖИРЫ)
ЭКОНОМНЫ ПРИ ЖАРЕНИИ
ВСЕХ ВИДОВ ПРОДУКТОВ

Цена 1 р. 50 к.

Зимой в Сочинском парке. Снимок сделан в ноябре.

Фото А. Григорьева.